

КВИНТЭССЕНЦИЯ СВОБОДЫ

Рассказ в 4 частях

Андрей "Ноговец" Фадеев, 2012

Смерть во имя?

Ты страшился тысячи вещей... Но все это были лишь маски, лишь видимости. На самом деле страшило тебя только одно: решиться сделать шаг в неизвестное, маленький шаг через все существующие предосторожности. И кто хоть один раз оказывал великое доверие, полагался на судьбу, тот обретал свободу.

(Герман Гессе)

Часть 1

Тихая больница на окраине небольшого провинциального городка. Но пони тут полно. Кто-то лежал в реанимации, корчась от боли, кто-то спал в стационаре. Дежурная медсестра сидела в полудреме у свечи. И у всех что-то было в голове. Навязчивые идеи, мешающие спать, будоражащие сознание – как же их много! У всех свои черви. Кто-то любит кексы, кто-то мечтает жить в Кантерлоте, кто-то грезит о том, чтобы найти своего «особого» пони. Идеи, как черви, прогрызают мозг, ты пытаешься думать о чем-то другом, игнорировать, отрицать, но правда всегда будет лежать на поверхности. Мозг живет отдельно от нас, не правда ли? Поэтому многим пони не спалось. А кто-то и всю бодрствовал.

Рэйнбоу Дэш не думала. Работало лишь воображение. Остальное доделал лишь писатель за стальной машинкой. Он слонялся из стороны в сторону по комнате, надеясь на вдохновение. И оно приходило, нежно глядя локоны гривы и давая умиротворение. Зачем же он писал? Может, для выгоды. Может, и правда от чистого сердца. Кто он? Как он мог такое создать, покорив сердца миллионов читателей? Никто никогда не узнает. На потрепанной книжке не было имени автора.

Дэш запаслась фонариком из кладовки, когда ходила в туалет. Она была с головой накрыта одеялом. Фонарь освещал старые страницы замечательной книги. Со стороны одеяло походило на шатер какого-нибудь хана. Внутри течет жизнь, внутри светло, но что там, под покровом ткани? Простых людей в шатры к ханам не пускали. А кто такой хан, кстати? Дэш не знала такого слова.

Она смотрела на страницы. Но видела не бумагу. Она видела, как храбрая Дэринг Ду преодолевает немыслимые преграды, охотясь за бесценным сокровищем. Она была любительницей приключений – как, собственно, и сама Дэш. Она была своего рода хищницей, яростно сражающейся за свободу. Дэш завидовала ее характеру. Хотя... Была ли это Дэринг Ду?

Да, Дэш слилась с ней на этих страницах. Удивительное дело – роман был написан от третьего лица, но Рэйнбоу ощущала, что Ду и она – одно целое. Слишком уж они похожи. Слишком уж они одинаково рвались к свободе, раз за разом хватая новые лакомые куски

счастья. Быть мертвым – быть свободным. «Легче умереть, - думала Дэш, - чем оставаться взаперти». И отчасти это правда. Этой пегасихе всегда была нужна свобода. И даже в те моменты, когда она с огромной высоты наблюдала за землей, находясь на вершине свободы, она мечтала о чем-то большем. Улететь куда-нибудь далеко. Очень далеко. Чтобы ветер свистел в ушах долго-долго, прежде чем она бы выдохлась и резко остановилась. Где она? Где она нашла свой приют, находясь за пределами этой самой свободы?

Она была на луне.

Ей было душно под одеялом. Дэринг Ду приоткрыла край бархатного покрывала как раз с той стороны, где в нескольких метрах от нее хрипел Контуженный. Его так называли даже медсестры, так как имени у него не спросили – у него была раздроблена челюсть. Он был странным. Он был молчалив и угрюм. Он не ел сам, ему в глотку была вставлена прозрачная трубочка, через которую поступала еда. У него были переломаны кости. Как это случилось? Медсестра говорила, что его нашли таким в овраге. Он был без сознания. И он вряд ли был благодарен врачам, вытащившим его из пучины спокойствия. Да, его было жаль.

Но что-то было странным. То, с какой ненавистью он смотрел на врачей, нежно проводивших процедуры, немного пугало. Он был безумен. У него однажды был припадок. Пошла пена изо рта, он задергал пораженными конечностями. Набежало врачей. А он, как мог, отталкивал их. Тело в агонии мучительно требовало продления жизни. Но мозг, эта странная машина, хотел смерти. Он хотел умереть, но ему не дали этого сделать. Черви... Черви в голове...

С тех пор Контуженный привязан к кровати. Он не мог перемещаться в принципе – но он был привязан. А Дэш, которая не задумалась об этом, нырнула обратно под одеяло. Дэринг Ду ждала ее. Свобода ждала ее.

Это была как магия – Твай рассказывала ей о своих занятиях. Нужно сосредоточиться, отогнать прочие мысли, сконцентрировать внимание на заклинании. Это и было заклинание. Бумс! Дэш стояла посреди тропического леса в костюме искателя приключений. Она огляделась. Солнце светило, но было прохладно. Какой-то жуткий ветерок гулял между деревьями. В джунглях было опасно. Но Дэринг Ду знала, на что идет.

Продираясь через лианы и кусты, она наконец увидела огромную ступенчатую пирамиду, покрытую зарослями. В ней, видно, никто уже с тысячу лет не бывал. Вход обрамляла каменная композиция, изображавшая голову демона. Проходить нужно было прямо к нему в пасть. Ду так и сделала.

Пережить опасные ловушки на своем пути было легко, хотя она много раз была на волосок от смерти, ледяное дыхание которой так и прокатывалось по груди, когда ей грозила опасность. Почти добравшись до конца гиблого коридора, Ду нечаянно нажала на какую-то платформу. Старые механизмы запустили в нее топором. Она заметила его слишком поздно. Просвистев в воздухе, топор прошил ей бок. Длинный глубокий порез

проходил в сантиметрах от травмированных крыльев. Было больно, но Дэш терпела. К счастью, у нее остался бинт, которым она и перебинтовала рану.

У нее и правда болел бок. Боль перекатывалась по телу. Дэш стало трудно дышать, она откинула одеяло и свалила книжку с фонариком на пол. До чего ей стало жутко, когда дышать стало ничуть не легче. Она застонала. Боль стала отчетливой. Она была тупой, как удар дубиной по голове, она была тугой, и каждая клеточка тела пронизывалась ей. Не думать о ней было невозможно. Мозг говорил: «Тебе больно, очень больно. Но она - твой друг. Прими же ее. Пока ты чувствуешь боль, ты еще способна жить»

Но Дэш не хотела ничего слушать. Она хотела, чтобы этот ад прекратился. Теперь она протяжно завывала. Ей казалось, что она слышит, как внутри что-то трескается. Боль все нарастала. Ей стало страшно. С таким она никогда не сталкивалась. Храбрая Дэринг Ду вжалась куда-то в темный угол ее души, давая простор и раздолье невыносимым страданиям. Дэш стиснула зубы, но крик все же вырвался из ее груди, протяжный, утробный крик. Контуженный проснулся и поглядел на Дэш с интересом. Он улыбался. Он был псих.

Прибежала медсестра, и начала ощупывать Дэш: где, что болит? Дэш не отвечала, она просто кричала. Ее тело было проткнуто тысячей кинжалов. Грудь сдавливалось, словно на ней лежала гряда кирпичей. Кожу жгло, Дэш тошнило, она закрыла глаза и отдалась воле Мира. Рэйнбоу думала о свободе: улететь далеко-далеко, подальше от чужих глаз, подальше от мира... Подальше от земли?

Врачей было трое. Они ее скрутили и положили на бок, врач готовила укол.

- Это мышечный спазм... Это спазм...

Кто-то повторял эти слова.. На что они ей? Дэш слышала их через пелену туманного рассвета. Она летела к нему навстречу. Она летела в новый день... Она летела в рай. Губы медсестры неслышно шевелились. Она что-то говорила, но Дэш не слышала что. Стояла глухая и тупая тишина. Капли лекарства упали на пол. Странно, кажется Дэш этот звук услышала. Тихий-тихий всплеск... Медсестры беззвучно двигались. Одна из них помазала грудь Дэш спиртом и занесла свой угрожающего размера шприц над ней.

А Дэринг Ду была теперь смела. И она, похоже, понимала Контуженного. А тот все смеялся своим хрипом ей в лицо. Дергался в конвульсиях смеха, глядя на ее страдания. Дэш отделилась от тела, исчезла. Пройдя через длинный коридор, она вышла в свет. Она находилась в белой комнате. Было неуловимо уютно. Боли не было и в помине. Перед ней стоял Контуженный, перевязанный бинтами, весь в кровоподтеках и ссадинах. Он смотрел ей в глаза. Она смотрела в глаза ему. Что-то их объединяло, но что?

- Я уже не жилец, - сухо проговорил ей инвалид, - а тебе еще жить с этим. Я же отправлюсь в лучший мир.

- Но зачем мне здесь оставаться? Мне же и так не познать свободы. Так зачем я живу? Контуженный рассмеялся и произнес ей лишь:

- Ты еще молода и многого не понимаешь. Ты должна постигнуть Истин сама. Ты не

можешь сдать сейчас. Деринг Ду в тебе.

Он указал туда, где жарко билось сердце смелой пегасихи. И, жутко улыбнувшись изуродованным лицом, добавил:

- Шоу должно продолжаться.

Он топнул копытом. Резким движением медсестра вогнала иглу шприца между ребер Дэш. Металл прошел сквозь плоть. Дэш открыла глаза, распахнула рот и сделала глубокий, болезненный вздох. Страшный, очень страшный крик боли и отчаяния прорезал всю округу. Дэш вернулась. Огромный валун звуков и ощущений обрушился на нее снова. Она больше не уплывала. Она корчилась на кушетке, ее держали две медсестры. Ей было больно. Очень больно.

Со слезами на глазах она посмотрела на врачей. Им было больно ответить ей взглядом. Медсестра, что сделала ей укол, положила копытце ей на грудь.

- Мы тебя вытащили. Спокойно. Скоро это пройдет, - по-матерински тепло произнесла она. Дэш отвернулась от нее. Она еще дрожала от боли. Пегас нашла в себе силы посмотреть на Контуженного. Их взгляды пересеклись. Контуженный так же смеялся, хрипло, разрывая горло, это доставляло ему мучения, но он продолжал. Он хохотал и смотрел на нее. Но в его взгляде не было насмешки. В его взгляде была боль.

Медсестра отошла и задернула штору между двумя пациентами. Связь разорвалась. Дэш еще минуту смотрела на белоснежную занавеску, а затем все потемнело. Она потеряла сознание.

Сон был беспокойным, но на удивление расслабляющим. Дэш будто освободилась от чего-то жуткого, чего-то, что уже долго терзало ее. Дэш что-то снилось. Что-то теплое, близкое, такое дорогое. Это хотелось подпустить к себе и отдаться ему. И она блаженствовала, накачанная наркотиками. Но потом ей начал сниться кошмар. Животный ужас будоражил сознание. Она была словно под водой, и кто-то тянул ее на дно. Она всеми силами старалась всплыть, но поверхность все удалялась. Воздуха в легких хватало лишь на крик – и он раздался. Неслышимый, булькающий, странный. Крик ужаса. Она видела над поверхностью Контуженного.

Тот что-то говорил. Очень тихо. Вода поглотила звуки, и Дэш шагнула за край реальности. Она резко вскрикнула, проснувшись. Был слышен отголосок той боли, что Дэш ощущала вчера. Над ней стояла Твайлайт. Она шептала ей, грустно улыбаясь:

- Привет, самая быстрая пони.

Рэйнбоу Дэш была так благодарна судьбе, что ее подруга пришла. Едва ли она когда-нибудь так ценила дружбу, как в этот момент. Как же Дэш было стыдно за то, что она прошлый раз выгнала Ей захотелось вскочить и обнять Твай, поплакаться ей, побыть слабой наконец. Она дернулась. Но не смогла встать. Она была пристегнута ремнями к койке. Она не могла пошевелить конечностями.

«К кровати пристегивают только психов»... Черви в голове.

- Привет, я так рада тебя видеть... - Дэш улыбалась, но ей было страшно осознавать, что

она бездвижна. Даже здесь, будучи запертой в больнице, она была стянута узкими путами страданий. Кто-то хотел лишить ее воли.

Они отобрали у нее крылья – но у нее есть ноги, и она свободна.

Они заперли ее в больнице – но у нее есть тело, она не скована. Она свободна.

Они связали ее и лишили возможности обнять лучшую подругу – им никогда не лишить ее разума. Хотя и он порой оборачивался против своей владелицы, он был ее спасительницей.

Дэш повернула голову налево – и увидела пустую, красиво застеленную кровать. Нет той боли, нет той крови, что когда-то населяли эту комнату. Все было чисто и прибрано. Но голову не очистишь, память не приберешь. Все, что здесь происходило, было сосредоточено в ее мозгу... Черви в голове. А голова побаливала.

- Мне так жаль, что с тобой произошло такое, - грустно и тихо произнесла Твай, честно глядя на Дэш своими глубокими фиолетовыми глазами, - Я читала медицинские книжки, но не знала, что такое бывает.

Она замолчала на мгновение. Затем, сглотнув, продолжила:

- Они сказали, что ты перенервничала, читая книжку. У тебя начался неконтролируемый спазм мышц, и ты чуть было не погибла. Ты, похоже, слишком впечатлительна. Извини, но я вынуждена забрать у тебя эту книжку...

Она телекинезом притянула книжку с Дэринг Ду. Это все, что было у Дэш. Это единственное, что давало ей надежду. Это единственное, что выпускало ее из больницы, пусть даже и в опасные джунгли. Это – ее жизнь. Это – Дэринг Ду. Дэш не хотела отпускать ее. Пусть даже на несколько дней.

Но она не подала виду. Она спросила лишь:

- А что с Контуженным?

- С кем?

- С тем парнем, что был на другой койке..

Твайлайт смутилась и скривила губы. Ответ угадывался в ее глазах. Дэш, несмотря ни на что, не хотелось верить в ужасную правду.

- Дэш, дело в том, что...

У пегасихи начали рваться ниточки души. Она... Она была одна... Черви в голове.

- Твой сосед умер вчера ночью. У него случился приступ, - продолжала она, заикаясь, - а в тот момент все отвлеклись на тебя. Он не издал ни звука. Похоже, он отключил свой аппарат жизнеобеспечения. Никто ничего не заметил..., - и тут Твайлайт осеклась, осознав, ЧТО сказала. Язык мой – враг мой.

Дэш не верила своим ушам. Как? Мурашки прошли по ее телу. Ей казалось, что в комнате повеяло могильным холодом... Она убила этого пони! Она убила Контуженного! Ей было жаль, бесконечно жаль, но это она была виновна. Ей самое место в этих оковах! Доктора вложили в него столько сил, так старались его вытянуть, а теперь... Дэш так крепко зажмурила глаза, что пошли слезы. Она всхлипнула. Твайлайт было тяжело смотреть на страдания подруги, как физические, так и душевные.

- Почему меня привязали, - процедила сквозь зубы Дэш, - Почему?!

- Ты, я не знаю, я просто..., - неуверенно проговорила Твай, как вдруг в комнату заглянула медсестра и произнесла:

- Э... Твайлайт? Мы можем поговорить минуту?

- Конечно, - ответила пони и вышла за доктором в коридор. Они отделились от палаты, так что их было не услышать. Но Дэш по-прежнему их видела. Неудобно изогнув голову, она жадно за ними следила.

Разговор был серьезен. Медсестра стояла спиной к Дэш, и пегас видела лишь реакцию своей подруги, которая то и дела бросала на нее взгляды, полные боли. Она слушала с минуту, как вдруг медсестра вплотную приблизилась к Твай и что-то произнесла ей на ухо. Это был диагноз. Твайлайт раскололась. Бросив последний, раздирающий душу взгляд на Дэш, она зарыдала.

Она не могла сдержать свои эмоции. Ей было так плохо, что ноги подкосились. Медсестра хлопнула ее по плечу и удалилась. Твай на ватных ногах вернулась в палату и стала в двери. На ее глазах были слезы. Глаза Дэш смотрели твердо, но тоже заплывали.

- Прости, - шептала Твай, подходя к кровати, - прости меня.

Дэш прикусила губу. Она выглядела непоколебимой, но внутри у нее все рвало. Хотелось провалиться. Весь мир вокруг превратился в комнату пыток. Было ужасно осознавать свою безысходность.

- Обними меня, - сквозь слезы проговорила Рэйнбоу Дэш, - Обними меня.

Твай подошла, и рыдая, прильнула к ней. Слезы единорожки окропили Дэш. Твай была теплой и дрожащей. Дэш было неуволимо уютно и приятно. Видимо, это и было тем самым мягким и теплым существом из сна. Твайлайт Спаркл. Она хотела бы, чтобы это не кончалось. Но нужно быть твердой и решительной.

- Я люблю тебя, и я всегда буду рядом, - сказала Твай и поцеловала пегаса в лоб, - хочешь, я...

- Иди, - сказала Дэш. Ей не хотелось, чтобы подруга видела ее страдания.

- Но, ты...

- Иди, - повторила она дрожащим голосом.

Твай кивнула и вышла в коридор. Перед тем, как свернуть и скрыться из глаз, она обернулась и последний раз одарила пегаса взглядом. Дэш попыталась ответить улыбкой... Но это было сложно. Твай послала ей воздушный поцелуй и ушла.

Дэш еще несколько минут смотрела на то место, где когда-то стояла ее лучшая подруга, частичка ее самой. Но сейчас там было пусто. Осознав наконец положение вещей, Дэш заплакала. Она долго себе этого не позволяла, но теперь дала волю чувствам. Она осталась одна. Больше нет никого. Разум начал рисовать лики друзей, которые заботились о ней. Но это был лишь самообман. Никого с ней не было. И не будет... Черви в голове. Она была больна.

... А потом медсестра кормила Дэш. Как маленького ребенка, ложечкой. Дэш было ужасно

стыдно, в горле стоял комок, еда не лезла в рот. Она почувствовала себя еще тем непослушным жеребенком, который принципиально отказывался есть кашу. Проглотив лишь чуть-чуть живительной пищи, Дэш сдалась. Она отказалась есть дальше. Это было выше ее сил.

А есть хотелось. Полдня пегасиха провела, разглядывая пейзаж, который висел у нее в палате. Ничего особенного, холм, лес да гора сверху. Но сознание Дэш начало заполнять эти края пони: храбрыми рыцарями, ранеными принцессами, королями и колдунами. Пробираясь через скалы, поскользываясь на скользких камнях, шел по горе монах. Он остановился на секунду, чтобы посмотреть на долину, раскинувшуюся перед ней. Там, внизу, светило солнце, пели птицы, пони улыбались друг другу. Идеальное место, чтобы обрести покой.

Внизу бурлила жизнь. Кто-то покупал, кто-то говорил, кто-то воевал, кто-то любил. Все шло своим чередом... И все были счастливы.

Дэш было жутко неудобно в ремнях. Затекала шея, в спину стреляло. Она старалась разминать конечности, как могла. Но это не всегда помогало.

Она все чаще просила медсестер освободить ее. Она клялась, что будет себя спокойно вести. Но они все еще опасались снимать с нее ремни. Когда Дэш захотела в туалет, медсестра отстегнула ее на минуту, провела ее до уборной и сторожила кабинку, пока та не вышла.

Часы шли месяцами. Она все отчетливее слышала стук секундной стрелки. Он бил ей по мозгам, он был оглушительным. Иногда она рассказывала сама себе анекдоты. Придумывала истории про Дэринг Ду. Видела себя в древних катакомбах, в поисках сокровищ. Она видела себя на свободе.

Ночь тяжело свалилась на Дэш, словно пыльный мешок. Ночь оправдывала ее бездействие. Но ночь была глуха и страшна.

Запертая в свои оковы, Дэш дала свободу разуму. Зачем ее привели в эту больницу? Будут ли ее приступы повторяться? Что скрывают от нее врачи? Вопросов было много. И ей было до того досадно, что никто не знает на них ответа, что хотелось зарычать...

- Почему я здесь? – вслух спросила Дэш тьму, - чем я хуже остальных? Да, я не ценила свободу. Но чем же я заслужила такое наказание?

- Ты должна понять, что значит быть свободной...

Контуженный стоял в дверях. На нем не было бинтов. Он был красивым земным пони средних лет. На его крупе проглядывался символ его бесспорного таланта – полураскрытая книжка. Его грива была черной и немного растрепанной. Его глаза были усталыми и полными горького опыта.

Дэш даже не удивилась, что увидела его здесь. Она наоборот обрадовалась. Он пришел, чтобы ответить на ее вопросы. Он решил составить ей компанию. И ей это нравилось.

- Кто ты такой? – спросила Дэш, глядя на него огромными кристальными рубиновыми глазами.

- Я лишь маленький пони с большими амбициями, - ответил он с улыбкой, - Но тут другое важно: кто ТЫ такая?

Дэш хотела сначала указать на бессмысленность этого вопроса, но осеклась и задумалась. Кто же она на самом деле? Самая быстрая летунья в Эквестрии? Но ее крылья сейчас не работали. Чего она стоила без них? Чего они все стоят? Пинки без радости, Джеки без ловкости, Рэрити без щедрости и грации, Шай без доброты, Твайлайт без магии? В чем смысл их элементов? Была ли Дэш так верна, как о ней думали? Похоже, она и сама не знала. Она была лишь маленькой пони. Одной пони, частью...

- Большого стада, - закончил за ней Контуженный. Дэш удивленно смотрела на него, а он задумчиво прошелся по палате, поглядел на пейзаж в пластмассовой рамке, зевнул и уселся на свою койку. Пегасиха не отрываясь смотрела на него. Он тоже смотрел. На звезды в окне. Глаза его блестели.

- Это стадо... Серая масса. Мы сами по себе ничего не стоим, но попадая в сердце механизма, мы тут же становимся его частью. Мы думаем, что мы уникальны, неповторимы, неотразимы. Но никто этого не ценит, никто не замечает. Тебя втаптывают в самую гущу покура. И ты остаешься там. Ты мечтаешь вырваться, любой мечтает, но не каждый может...

Дэш моргнула на секунду, и Контуженный очутился с другой стороны кровати, прямо вплотную к пегасихе:

- Ведь из системы нельзя сбежать!

Последнее он произнес зловещим, громким шепотом. Она, кажется, почувствовала его дыхание. Он был так близко, что она могла рассмотреть цвет его глаз. Они были ярко-голубыми. Он как-то странно, завораживающе смотрел на нее, и этот взгляд ее пугал. Она уже видела нечто подобное, когда Пинки Пай была... немного не в себе. Впрочем, ощутив это, Контуженный отстранился и снова обошел ее.

- Мы не просто так встретились, верно? – тихо спросила Дэш.

Он остановился. Вздохнув, пони ответил:

- Ты права. Но все в нашем мире закономерно, не так ли? Не могла же Твайлайт случайно оказаться в вашем городе? Не могли же вы случайно оказаться олицетворением Элементов? Что-то точно управляло твоей подругой...

Он умолк на секунду. Затем, ухмыльнувшись, добавил:

- Или кто-то.

Дэш это не понравилось. Она хотела возразить, шквал вопросов закружился в ее голове, она желала многое узнать, но спросила о чем-то ином...

- Откуда ты знаешь про элементы и про все остальное? – прозвучало из ее уст, хотя ответ лежал на поверхности.

- Что знаешь ты, то знаю и я, глупышка. Мы же одна масса, забыла? – он хмыкнул, - Ты напоминаешь мне самого себя, молодого, дерзкого, оставленного всеми. И я тоже наивно желал бороться. И я тоже снова и снова наступал на одни и те же грабли. Но я не был так

открыт и искренен, как ты. И я завидую тебе. В какой-то степени.

- Как тебя зовут? – этот вопрос Дэш задавала себе уже очень давно. Но ответ был более чем загадочен.

- Ты все узнаешь сама, тебе нужно лишь проявить волю. И главное, помни: самое важное порой скрыто от глаз.

Дэш решила не продолжать эту тему. На какое-то время в комнате повисла тишина.

Контуженный задумался. Затем, почесав подбородок, сказал:

- Твой мозг часто обманывает тебя. Но вы – одно целое. Он бывает в таких местах, о которых ты едва слышала. Порой, мы потакаем лишь ему одному, забыв о других частях тела. Собственно, все что существует, есть только благодаря ему. Но на то нам и разум.

И, промолчав, он закончил:

- Много переосмысливаешь, находясь ТАМ, не правда ли?

- О чем это ты? – переспросила Дэш.

Контуженный лишь по-отечески улыбнулся и указал на окно. Дэш перевела взгляд на панораму мириадом звезд. Посреди этого гармоничного хаоса отблесков светила луна. Такая далекая. Но такая притягательная.

Пегас вновь посмотрела туда, где был Контуженный. Он исчез. Дэш осталась одна. Но разве ее кто-то посещал?

Луна продолжала светить, кто-то продолжал стонать за стеной, а кто-то и вовсе спал. И Дэш старательно попыталась уйти в мир снов. И она ушла. Но ей ничего не снилось.

А наутро фортуна улыбнулась ей. Врачи отвязали пегасиху. Эй было бесконечно радостно, хотя контроль за ней шел жесткий. Но твердо заверив мучителей, что не будет нервничать, она наслаждалась свободой действий. Она кидала мячик, потягивалась, пробовала шевелить крыльями – пока еще больно.

Мысли про беседу с Контуженным не выходили из головы. Она что, сходила с ума?

Наверное, в какой-то степени да. Но что понадобилось этому странному пони от Дэш?

У них была незримая связь. В тот самый момент, что Дэш заново родилась, контуженный отбыл в мир иной. Он даровал ей свою жизнь?

А почему Дэш увидела его? Это была галлюцинация, или сон, или что еще похуже... И чем таким ужасным она была больна?

Последнее, что Дэш помнила, это то, как она взмыла выше обычного, за облака, где была граница Неба и Земли. Похоже, что она взяла немислимую высоту, у нее затруднилось дыхание, закружилась голова и она потеряла координацию. Ей повезло, что она приземлилась в стог сена. А могла упасть и на скалы. В любом случае, скорее всего, Дэш потеряла сознание еще в воздухе. Какой ужас! Как она, интересно, в тот момент выглядела? Дэш надеялась, что не сильно позорно.

Дэш изучила то место, где спал когда-то Контуженный – он якобы сидел здесь ночью.

Следов, естественно, никаких не было. Кровать была обычной. Но в ящике прикроватного столика Дэш нашла старую тетрадку – потрепанную, с золотым тиснением, и

отсутствующим текстом. Внутри было пусто. Жаль. Она была такой же странной, как и сам Контуженный. На всякий случай Дэш спрятала ее у себя.

Ей очень хотелось посмотреть свою историю болезни, которую она видела иногда у врачей. На дальней стороне ее кровати висела табличка, на которой было лишь ее имя, и диагноз – вывих крыльев, кровоподтеки, трещины в костях. Но это было не все. Вся правда скрывалась в заветной папочке. Они приходили с ней, клали рядом с Дэш, но та не могла даже глянуть в нее – за пегасихой смотрели. Ей не давали узнать о себе правду. Почему? Они сами говорили, что там слишком много писанины, медицинской лексики и прочего вороха ненужной макулатуры. Ей было просто не понять... Но Дэш не верила. К ней иногда приходил врач, ставил не вполне приятные уколы, проверял реакцию, шупал крылья. Дэш терпела все эти процедуры.

А в обед пришла Эплджек. Она улыбалась, смеялась, и принесла с собой вкуснейшую шарлотку. Врачи еле согласились позволить Дэш ее съесть. А та сразу воспользовалась возможностью – отхватив большой кусок острым ножом, она принялась вгрызаться во вкуснейший пирог. Джеки наблюдала за этим парадом чревоугодия с улыбкой.

- Вижу, тебе понравилась домашняя выпечка, сахарок. Ну, каково тебе здесь? Я слышала, через что ты прошла. Надо быть очень сильной, чтобы все это пережить. Я горжусь тобой. Дэш отвлеклась от еды на секунду и гордо сказала:

- Я даже не пикнула.

Джеки усмехнулась. Она знала всю правду в подробностях. Ей все сказали. Но она не хотела рушить минуту торжества пегасихи.

- Да ты что? Ух, какая ты молодец. Боюсь, я бы и сама орала как резаная..

Дэш вздрогнула... Резаная... Отчего-то ей вспомнилась Пинки, в минуту своего упадка. Что-то очень неприятное закружилось в ее голове, и она отложила пирог на тарелку.

- Что-то случилось, сахарок? Ты выглядишь испуганной.

- Ты же говорила с врачами, верно?

Пони в шляпе кивнула. Она понимала, к чему идет разговор. Дэш протерла глаза и очень серьезно посмотрела на подругу. Выедающим взглядом.

- Что со мной? Скажи мне.

Джеки действительно знала всю правду. Но говорить не хотела... Не могла.

- Ты... У тебя... крылья...

- Да все я знаю про крылья! – Дэш ударила копытом по кровати, - Что ЗДЕСЬ?!

Она указала на голову.

- Что с моей головой? Я псих, да? Я знаю, они тебе сказали. Вы не хотите поставить меня перед фактом...

- Сахарок, остынь, - странное поведение Дэш начало принимать угрожающие обороты.

Она откинула одеяло с слезла с кровати. Эплджек начала отступать. Дэш медленно двигалась в ее сторону. Что-то непередаваемо страшное было в ее движениях – медленных, но опасно четких и точных.

- Скажи мне... Скажи мне! Я должна знать, – безумным шепотом повторяла пегас.
- Тише, тише, Дэш, не нервничай...
- ГОВОРИ! – громко вскрикнула ее подруга.
- Я... не..., - смялась Эплджек, замерев на секунду. Затем она резко развернулась и убежала из палаты.
- Эплджек! Стой!, - пегасиха, осознав свою ошибку, кричала ей вслед, - Прости меня!
Джеки свернула за угол. Ее больше не было.
- Прости меня. Прости меня... Прости..., - уже шепотом закончила Дэш. Слезы опять навернулись на глаза. Опять ушла подруга. Опять было больно. Она вернулась, легла на свою кровать и закрыла глаза. Попыталась вспомнить что-нибудь приятное, но в голову ничего не пришло. Мозг опять сыграл с ней злую шутку.
Она, видимо, неслабо стукнулась головой. Голубой пегасихе было бесконечно стыдно. Но что сделано, то сделано.
Во второй половине дня Дэш вертела тетрадку Контуженного, пытаясь понять ее загадку. Страницы были пустыми. Ничего, ни единого знака. Должен же он был оставить хоть что-нибудь о себе...

Часть 2

В памяти снова возгорались пламенные речи ее ночного посетителя.
«Как тебя зовут?»
«Ты все узнаешь сама, тебе нужно лишь проявить волю. И главное, помни: самое важное порой скрыто от глаз»
Скрыто от глаз... Но почему же она ничего не видит? Погодите. Дэш поняла. Она хохотнула, когда осознала в чем дело. Ну конечно! Как она раньше не могла догадаться?
Она положила тетрадь под матрас, и вновь отпросилась в уборную. По пути она молилась, чтобы кто-нибудь отвлек сопровождающую ее медсестру. И ее мольбы были услышаны. Старый дед попросил ее безмолвную стражницу отвести его к своему знакомому. В то время, как старик пытался вспомнить имя товарища, Дэш снова заскочила в кладовку. Тихонько закрыв дверь, она стала рыться по полкам, заваленными хламом, электроникой и разными инструментами.
- Ну где же ты, где... - процедила сквозь зубы Дэш, перебирая вещицы на полках, - Давай, давай... Ты должна быть здесь.
Еще с полминуты сущего хаоса, как вдруг...
- Ага! Наконец-то!
Дэш вытащила из коробки небольшую цилиндрическую ультрафиолетовую лампу. Такие использовались в больнице для дезинфекции.
Она тихонько выглянула из кладовки. Никого в коридоре не было. Она быстро юркнула обратно в свою палату. Спрятав лампу под одеяло, она легла в кровать. И стала ждать.

Через несколько минут дверь открылась и в комнату заглянула медсестра.

- А Дэш, ты здесь. Ты не хотела разве...

- Я уже все, спасибо, – ответила пегас с улыбкой.

- Следующий раз не убегай, ладно? А то мы все волнуемся.

Дверь закрылась. Дэш осталась одна. Подождав абсолютной тишины, она вытащила свои пожитки на свет. Открыв тетрадь на первой странице, она включила лампу. Вдруг осознав, что в темноте будет удобнее, она забралась под одеяло. Внезапно ее пробрала дрожь, ей вспомнился ее припадок, который был позавчера, который начался под этим одеялом.

Поежившись, она высунула голову, глубоко вздохнула и нырнула во тьму.

Загорелся яркий фиолетовый свет. Открыв тетрадку, Дэш направила на него лучи хитроумной лампы. На старой бумаге тетради начали проявляться буквы...

Вглядываясь что есть сил, Дэш прочла:

Дневник Франца Дугласа.

Вот оно. Его имя. Франц. Оно не было свойственно Понивиллю. Этот пони был приезжим. В любом случае это было интересно. Устроившись поудобнее (насколько это было возможно), Дэш начала читать.

Посвящено Мэриал. Я никому не дам читать мой дневник, пока я жив. Значит, к этому моменту я уже буду мертв. Тот, кто читает это, наверное, сможет вынести множество уроков жизни из моего опыта. Я не знаю, что меня ждет. Но я надеюсь, что найду свою цель в жизни.

Я купил эту тетрадку у старого путешественника, что остановился в нашем городе. Он рассказал мне множество интересных историй из своей жизни. Я сообщил ему, что эта тетрадка станет моим дневником. Он пожелал мне записать туда гораздо больше интересного.. Этот бродяга мне понравился. Забыл его имя. Возможно, я тоже стану когда-нибудь путешественником.

Это моя первая запись. Сейчас март 993 года. Только что сошел снег, города преобразились, и я снова могу гулять, набираясь вдохновения. Ненавижу снег и лед.

Сегодня я поеду к своей тетушке Уолсон, на ферму. Она начинает сажать овощи – грех ей не помочь. Плюс, я смогу поработать над книгой, уединившись на природе. Это будет отличный опыт для меня.

Это была ужасная неделя! Я горбатился с утра до ночи. Не было ни секунды на отдых! Я раб своих желаний. Какой черт привел меня на эту ферму? Я ненавижу свою тетю! Эти неотесанные деревенщины меня заеб... Меня никто не понимает...

Вчера я спал на клопах. Утром был весь покусанный. Проснувшись, я твердо решил съехать отсюда, под вежливым предлогом множественных дел... А какие у меня могут быть дела? Я ведь даже не работаю.

Мама прислала письмо. В нем она сообщила, что продала квартиру и переезжает в

какой-то провинциальный городок... У нее кончились деньги. В ответном письме я сообщил, что пришлю ей нужную сумму. Нужно срочно найти работу. Мой бюджет затягивается, как петля на моей шее. Нельзя быть обузой, я должен помогать ближним! Завтра же начну искать вакансии. Напишу, когда добьюсь каких-либо успехов.

Прошло уже... около двух месяцев. Я работаю в кафе на кухне. Какое-то время я мыл полы, но потом меня повысили и позволили мыть посуду. Сегодня вернулся поздно ночью, усталый и разбитый. Пишу под одеялом, проваливаясь в сон. Мда, я ожидал, что эта запись будет несколько иной.

Попеременно пишу какие-то зарисовки. На окончание романа времени и фантазии не хватает. Муза в последнее время редко меня посещает.

Вчера дописал еще один рассказ, и назвал его «Во плоти». Короткая история о диктаторе, захватившем власть на острове и свергнутого собственным народом. (Неразборчиво) Попытался понять психологию угнетаемого народа... Многого придумывать не пришлось. Получилось довольно мило, думаю отослать мою писанину куда-нибудь. Матери деньги отправил, чуть меньше, но сколько смог. Она поблагодарила меня и спросила, все ли у меня в порядке. Мне было неприятно отвечать ей, что у меня все отлично, что дела идут в гору. Для нее я работаю в издательстве. С тенью укора я отправил ей письмо.

Вчера заходил Чарли, выпили с ним доброго сидра. Он рассказал мне про жизнь в Кантерлоте. Я завидую ему...

Какого это, просыпаться и видеть в окне замок Селестии? Какой же он счастливый пони! Он сказал, что показывал тамошним критикам мои работы... Они нашли во мне некий потенциал! Мне нужно написать еще пару рассказов, и если они будут так же высоко оценены, то я поеду туда на собеседование!

Декабрь 993 года. Я написал лишь один рассказ. Сроки поджимают, ведь я должен закончить к концу года. А идеи все никак не приходят...

Сегодня видел одну очень милую кобылицу в кафе... У нее была зеленая ухоженная шерсть, шелковая фиолетовая грива, очень красиво зачесанная набок. На ее крупе была интересная кьютимарка – компас! Удивительно, что я запомнил такие детали... Она сидела за столиком, ковыряла в салате, и явно была одинока... А я даже не осмелился спросить ее имени. Какой же я все-таки застенчивый! А может, она – цель моей жизни... Кто может знать? Судьба бывает так непредсказуема. И да, я теперь официант!

Узнал, что ее зовут Мэриал. Она остановилась в нашем городе, в отеле (неразборчиво).

Да ведь это на соседней улице! И да, она стала заходить к нам каждое утро. Я спокойно и неизменно приношу ей кружку кофе и маффин. Она даже не глядит на меня. Я же, небрежно бросая на нее взгляд, впитываю каждую клеточку ее тела, каждую черту, каждое движение. Ее глаза... Ее роскошные желтые глаза... Я никогда ничего подобного не видел, меня пробирает трепет, когда я ее вспоминаю. Да, дневник. Похоже, что я влюбился.

Мы начали с ней общаться. Она, кажется, воспринимает меня как знакомого, которого лишь изредка видит. Она рассказала мне, что приехала в Хуфингтон затем, чтобы поступить на учебу и попасть в общежитие. Ее отец сильно хочет, чтобы ее ребенок стала психологом. В данный момент она готовится к экзаменам и прожигает деньги отца. Она успела побывать почти на всех вечеринках этого города. Это, по ее мнению, позволяет почувствовать свободу.

Пока она говорила, я наслаждался каждой секундой, проведенной с ней. Ее речь завораживает, я начинаю представлять нас вместе. Черт, она же начинающий психолог, может ли она определить, что я в нее втрескался? Но, теперь, по-видимому, отступить уже некуда. Начальство закрывало глаза на то, что я подсаживаюсь к клиенту за столик и болтаю с ним. Я хороший работник.

Сегодня она позволила проводить себя домой. Мы говорили за жизнь, она рассказывала о своем детстве, родных, как она выросла в небольшом городке недалеко от Кантерлота, в семье часовщика. Мать ее работает учителем в Мэйнхэттене, брат пошел по стопам отца и делает немалые успехи. Пару лет назад у него появилась кьютимарка – песочные часы. Семья была несказанно рада.

Я спросил ее: а что означает твоя кьютимарка? Вряд ли она связана с психологией. Мэриал ответила, что компас – символ путешественницы и рассказала замечательную историю о том, как у ее отца украли золотые часы. Она убежала из дома и всю ночь бродила по лесу в поисках часов. И каким-то образом нашла их! В пещере у дракона! Видимо, вору не повезло, и он попал на глаза загребущей рептилии. Мэриал тихонько зашла и забрала часы, и умудрилась за 10 минут вернуться домой. Когда перепуганные родители увидели перепачканную, счастливую дочь с золотыми часами, то не могли скрыть свою радость. А на крупе у кобылки высветился яркий символ – компас! В эту историю сложно поверить, но я так и сделал. Надеюсь, я смогу как-нибудь использовать эту историю для написания своей собственной...

Медсестра, подоспевшая в палату с ужином, была выставлена вон.

Я слишком много времени провожу с ней! На работе мне грозят понижением, рассказ так и не готов! Что мне делать? Вдохновение, где ты? Уже конец года!

Она чмокнула меня в щеку! Это было незабываемо, как бы жалко это не звучало. Тепло и трепет пронеслись по моему телу. Когда она зашла в отель, я стоял еще несколько минут в радостном ступоре. Влюбленный идиот.

А я таки дописал рассказ. Само пришло, все получилось спонтанно, я не следил за словами. Сейчас сижу перечитываю – пока вроде нравится. Тему любви я уже очень давно не поднимал. Где та глубокая психологичность, к которой я стремлюсь?

Надеюсь, это не будет считаться уходом от моих канонов. Хотя есть ли они у меня вообще? Письмо в редакцию отправлено.

Беспрестанно продолжаю восхищаться ею! Она неописуемо прекрасна. Господи, зачем судьба меня свела с ней? Я же теперь умалишенный!

На работе меня заставляли в ступоре, не способным отвечать на вопросы. Я все чаще уходил в мир грез... Знаете, каково это: реальность расплывается, тяжесть наваливается на веки, ворох шумов и голосов сливается в протяжный вой...

И ничего. Ничего не видишь и не слышишь. Она перед твоим взором. Смотрит и улыбается. А ты тоже не сводишь глаз и скашиваешь рот в зачарованной улыбке...

Подходишь к ней, чтоб обнять, пригреть – и тут же получаешь подзатыльник от менеджера, который за тобой наблюдал вот уже минут 10... Короче, у меня проблемы на работе. Скорее бы уже получить ответ из Кантерлота. И во имя Селестии, пусть им понравится мой рассказ!

Мэриал теперь редко заходит в кафе. Я шлю ей цветы. Я пытаюсь связаться с ней, договориться о встрече, но она меня... Не то, чтобы избегает... Не выказывает того интереса, что сверкал огоньками любопытства в ее глазах. В ее лучезарных глазах цвета золота. Я опять улетел.

(неразборчиво)

Она временно покинула меня. Не знаю, куда она делась. Я отправил ей письмо, приглашая вместе встретить новый год... Письмо было возвращено обратно.

Единственное, что было дописано прекрасной кобылицей, было:

«Ты мне очень дорог, но я не могу, прости»

Любой нормальный написал бы на моем месте, что его сердце разбито. Но я не такой. Мой дивный мозг не такой. Я все еще люблю ее. Я не знаю, как мне быть. Моя жизнь наполнилась смыслом с ней... Пойду, поищу ее.

Я стоял у отеля полчаса, борясь с назойливыми мыслями, а затем решил войти внутрь. Я искал ее очень долго. Когда заведующий заверил меня, что за дверью с заветным номером 67 никого нет, я не поверил и пошел проверять сам. Номер был пуст. Она съехала – но куда?

Сам не зная, зачем, я снял этот номер на одну ночь. Сейчас сижу в комнатке за рабочим столом и пишу. Тут сидела она и училась. Я оглянулся, а сзади от меня – кровать, в

которой она спала. И я там буду спать. Я не знаю, как еще связать себя с ней. Мэриал – часть меня самого.

Начал исправлять свой роман, который я так долго писал. Я сменил главного героя, место действия, но оставил главный вопрос повествования – вопрос свободы. Она незыблема, но грань между ней и рабством так тонка. Мы же рабы своих страстей – не так ли? Долго думал над именем своей героини... что-нибудь запоминающееся. Блин, даже не знаю. Ничего не подобрать. Я подумаю об этом завтра.

А дальше не читалось, не могло читаться. Дэш, как была, начала проваливаться в сон. Мягкое одеяло, теплота и трепет – все это манило, притягивало к себе. Хотя Дэш и была заинтригована этой историей, она не могла оставаться на плаву реальности. Сладко причмокнув губами, Дэш завернулась в одеяло и стала засыпать.

На нее смотрела тьма. Густая, тягучая, она пялилась на нее своими бездонными глазами, пожирая ее тело. Тьма поглощала видения. Тьма утаскивала на дно. А на душе у Дэш было тепло и легко. Хотя была и какая-то тревога. Это, видимо, было из-за того, что Дэш сильно сопереживала Францу в его чувствах. Ей хотелось помочь ему – но было уже до смешного поздно. Она слишком впечатлительна... Ее стоило привязать к кровати...

Стоп, мозг! Что это еще такое? Хватит шутить надо мной! Черви, черви в голове... Дэш потрясла брэнной головой, чтобы отогнать тревожные мысли и уткнулась покрепче в подушку. Ее окружала тишина. И только?

Мозг раскладывал перед пегасихой пазл событий, происходивших с ней, с ее соседом по несчастью, со всеми. Что могло все это значить? Кто же он такой, Франц Дуглас? Почему он знает о свободе больше, чем Дэш? Он же земной пони! Видимо, он был выше всего этого.

Дэш перевернулась на другой бок, не раскрывая глаз. Она только что читала отрывок из старого дневника. В 993 году ей было всего-то 7 лет. Что были за времена... Она была своенравной пегасихой, без башни. Без родителей. Это было время умозаключений и миропознания. Но Дэш изучала не столько окружающий ее мир, сколько себя саму. Также себя изучал и он...

Голова начала болеть от вороха мыслей. Дэш скривила лицо. Ей даже казалось, что источник ее боли находился прямо перед ней. Помявшись минуту, Дэш раскрыла глаза. Франц лежал на своей койке, скрестив ноги. Он лежал и читал какую-то книгу.

Приглядевшись, Дэш поняла, что это его дневник. Посмотрев на свою полку, куда Дэш положила старую тетрадь, она ничего не обнаружила. Он взял ее, пока она пыталась заснуть.

Он бросил на нее небрежный взгляд.

- Ты быстро отгадала мою загадку. Слишком быстро.

Он захлопнул тетрадь и стал хмуро смотреть перед собой. Дэш поняла, что это шанс поговорить, поэтому она решила учесть свои старые ошибки и задавать вопросы по

существо. Но мозг...

- Почему ты пришел сейчас? Я же пытаюсь отдохнуть...

- Разве ты хочешь спать? – Франц удивленно глянул на Дэш.

Дэш прислушалась к своим ощущениям и поняла, что сна ни в одном глазу. Осознав, что с ним нельзя спорить, Рэйнбоу села в кровати, свесив ноги и накрыв их одеялом. Удобно.

Все располагает для разговора. Дуглас сидел в глубокой задумчивости.

- Знаешь, читая мои воспоминания, ты невольно оказываешься духовно связанной со мной. Я не просто так дал именно тебе увидеть меня.

Дэш с интересом глядела на него. Она просто запоминала. Думать, разговаривая с ним, было сложно. Дэш улыбнулась и как-то по-детски произнесла:

- А я мечтала узнать твое имя.

Подняв бровь, Франц смотрел на нее. А она была наивна и чиста, будто и не переживала недавних страданий. Она смотрела угольками своих рубинов в его бездонные, небесного цвета, глаза.

- Дэши, моя маленькая Дэши, - сказал Франц, вздохнув, - мое имя ничего тебе не скажет. Мое имя – это лишь порядковый номер, который мне дали родители при рождении. Да, оно может быть красивым. Но оно никогда не отразит внутреннего состояния пони.

Поэтому я больше полагаюсь на прозвища. Их всегда дают по поводу. Вот, например, какое у тебя прозвище?

Дэш нахмурилась. «Рэйнбоу Крээээш...» - пронеслось в голове обидное выражение троих идиотов из Клаудсдэйля. Черт, да они так называли ее с раннего детства! И до сих пор называют! Как дети малые!

Заметив смятение на лице пегасихи, Дуглас сам ответил на свой вопрос:

- Да не суть важно. Но вот мое прозвище... Знаешь, как меня называли со школы?

Дэш отрицательно покачала головой.

- Меня называли Боец. И знаешь, это не потому что я любил лезть в драки. Я их всегда стороной обходил. Меня так называли, потому что я всегда сражался за Правду и Свободу. Да. Отстаивал права других, подставляясь сам, возражал на самые веские аргументы.

Меня за это уважали. И я помню времена, когда бороться приходилось часто. Но затем... Затем в этом пропал смысл... Система стала поглощать больше и больше душ и противостоять ей стало мучительно сложно. Но я не сдался. Мой разум, - он указал себе в висок, - Всегда был абсорбирован от внешних воздействий, он всегда оставался холоден и расчетлив. Но иногда мой мозг таял. Например, когда я...

- Встретил ее, - закончила за ним Дэш. Дуглас улыбнулся и сел в кровати. Он все еще любил ее. Даже будучи мертвым. Но это была несчастная любовь...

- Мэри... Сколько лет прошло с последней нашей встречи? Где она теперь?

Он снова открыл свой дневник... И понюхал его. Дэш удивленно посмотрела на Дугласа.

- Однажды я побрызгал дневник ее духами, - разъяснил он, сладостно улыбаясь, - надо же, кажется я еще чувствую ее запах...

Через минуту прекратив ритуал и захлопнув тетрадку, Франц спросил серьезно:

- Дэш. Ты любила когда-нибудь кого-нибудь по-настоящему?

Рэйнбоу задумалась. Она хотела сказать нет, но затем в ее сознании кое-что всплыло, и она заволновалась... Дуглас почувствовал это.

- Давай же. Расскажи мне.

Помявшись немного, пегасиха все-таки решила рассказать.

- Ну, дело в том, что еще в школе, в моем классе, - начала она неуверенно, - все было так странно, я... В общем, там был один жеребец. Звали его Ронни. И я влюбилась в него... Дэш покраснела, вспоминая эту историю.

- Ничего, рассказывай. Мы же одно целое, помнишь?

- Я.. Я втюрилась по уши. Я не сводила с него глаз, он был прекрасен. Пыталась обратить на себя внимание. Но.. но он не реагировал. А затем, на выпускном вечере нас выбрали королем и королевой бала. Я была вне себя от радости. А когда пришло время финального танца, он просто отказался танцевать со мной. Перед всей школой отказал и ушел. И все стали смеяться надо мной. А я выбежала на улицу и стала лететь, рыдая на пути. Взлетев на самую высокую точку, которую могла, я зависла на мгновение и затем понеслась вниз. Развив приличную скорость, я камнем летела к земле. В тот вечер Понивиль огласил мой второй «соник рэйнбум». Говорят, тем самым я выбила окна в школе. Но мне было все равно.

Франц слушал не отрываясь и был сосредоточен, но мрачен.

- Ты даже не представляешь, насколько я понимаю тебя. Даа, мы воистину с тобой похожи. Невероятно похожи. И я рад, что провел последние дни жизни в палате с тобой.

Молчание повисло на минуту в комнате, но Дэш внезапно подала голос:

- Ты был на луне, не так ли?

Он ухмыльнулся и глянул на нее блестящими глазами. Этот взгляд был ей знаком. Этот взгляд был присущ ей самой. Именно так она смотрела на других, кидая им вызов. Именно так она смотрела, обличая их. Это был пронизывающий, всепоглощающий взгляд.

- Но ведь и ты там была.

Дэш задумалась. Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить, что же из себя представляет это место. Луна – место отчуждения, место уединения мятежных душ. Она бывала там. Что ее влекло туда? Уж точно не серая почва и глубокие кратеры. Это было нечто неуловимое, то, чего так не хватает в мире Эквестрии...

- ...Тишина, - прошептал Дуглас рядом с ней.

Дэш открыла глаза. Франц сидел на ее кровати, рядом с ней самой. Дэш, не управляя собой, потянулась к нему – потрогать – но тот отпрянул и слез с кровати.

- Пойми, если ты дотронешься до меня, то я исчезну. Так что лучше визуально-вербальный контакт, окей?

Он сделал круг по палате и остановился напротив пегаски, в метре от нее. Посмотрев на нее серьезно, он сказал:

- У тебя есть одна необычайная способность. Твоя травма принесла тебе еще кое-что, помимо боли.

Дэш посмотрела на свои крылья, плотно привязанные к телу, и невольно поежилась, вспомнив свой приступ.

- Ты можешь проникать в книги. Не просто читать, представляя себе действия героев, их мысли и чувства, а самой ощущать все это. Ты можешь переселяться в их тела. Можешь наблюдать. Поэтому тебе гораздо легче понять суть, содержание произведения. Поэтому ты так впечатляема от книжек. Помнишь, ты сравнивала это с магией? Да, это своего рода магия. А ты – волшебница. Лишившись возможности летать, ты познала полет мысли. И это великий дар. Если бы кьютимарка давалась дважды в жизни, то книги стали бы твоей второй способностью.

Рэйнбоу, слушая все это, смотрела сначала на Франца, потом на гладко побеленную стену, затем на свою кьютимарку. И осознав все это, задала вопрос:

- Я – Дэринг Ду? Я – это ты? Мы одно целое?

- Это неоспоримый факт. Но я сам – это не я. Поэтому ты должна помочь мне. Ты должна стать мной на страницах моего дневника. Так я смогу постичь себя... И дать тебе уроки свободы.

- А они мне нужны?

Франц посмотрел на нее с ухмылкой и топнул копытом.

Комната содрогнулась. Беленые стены улетели в бесконечность. Пол провалился, вместо него взмыло что-то серое, потрескавшееся. Песок. Песок?

Дэш глянула вверх и увидела свою планету. Она казалась голубой на фоне феерического парада солнц. Жизнь переливалась на ней, блестела. Она смотрела на родную планету со стороны. Как это?

- Где мы, Дэши? – спросил Дуглас, отойдя на несколько шагов от удивленной пегасихи.

Ага. То есть так вот. Дэш все еще сидела на койке. Да, она сидела на койке на поверхности луны. Дуглас умудрился ее сюда затащить.

Дэш не удивлялась происходящему. В конце концов, это мог быть лишь сон. Она на это надеялась.

- Мы... На... луне? – спросила Дэш, медленно слезая на поверхность другой планеты. Да, это был песок, но не такой как в Эквестрии. Он был плотным и вязким, как глина. И пах порохом.

- Именно! Вот она!, - Франц пошел вперед, все отдаляясь от пегасихи, - Вот мы и снова на ней!

- Погоди...

Двое пони, бок о бок, шли по поверхности луны, попирая копытами однообразную смесь грунта.

- Это и есть твоя свобода? Вот оно? Это – то, к чему ты стремишься?

Дэш огляделась. Мда, необычное зрелище. Идеальная пустошь. Абсолютная

изолированность от мира. Только ты и твои мысли. Какого это?

Дэш шла за ним, глядя на серые камни вокруг себя, на трещины в земле, и на удивительно красивые созвездия, окружавшие ее. Это было, безусловно, впечатляюще, но можно ли было этим пресытиться?

- Представь – это все у тебя в голове! Все, что мы видим – все создал твой мозг. Ты так и сидишь сейчас на койке в больнице, разглядывая свою кьютимарку. Но главная прелесть не в этом. Слушай.

Они остановились. Дэш задержала дыхание. Дуглас не проронил ни звука. Тяжелая, оглушающая тишина обрушилась на двух пони. Это.. это было неопишимо. Та же тишина была и в белой комнате, когда Дэш и Контуженный первый раз встретились. Когда он передал ей свою жизнь...

- Успокаивающе, не правда ли? Но... Представляешь, какого испытывать эту тишину на протяжении тысячи лет? Она проедает мозг... Обычный пони сойдет с ума уже через пару дней... Но не аликорн.

Дэш удивленно покосилась на спутника.

- Луна?

- Именно. Вот уж кто знает, чего стоит покой.

Он остановился и глянул ей прямо в глаза.

- Вот почему тебе нужно познать свободу. Иначе зачем ты живешь?

Пегасиха от удивления застыла.

- Давай... Уйдем отсюда... - прошептала Дэш. Тишина угнетала, сдавливала, крушила и без того неустойчивое сознание, - подальше от этой луны...

- С чего ты взяла, что находишься на луне? – спросил голос пегасиху.

Дэш была в палате. Она сидела на краю кровати, прикрывшись одеялом. Через пыльные стекла окон на нее смотрела луна. Дуглас все так же лежал с собственным дневником на собственной кровати, как и в начале разговора. Глубоко вздохнув, он встал с кровати, подошел к столику Дэш и всунул тетрадку в ящичек.

- Было приятно поболтать, - улыбнулся он и уже развернулся, чтобы уйти, но услышал голос Рэйнбоу за спиной:

- Франц... Ты все еще ее любишь?

Пауза. Он опустил голову, постоял так немного в своей думе, затем обернулся и ответил:

- Я никогда не прекращал ее любить. Она продолжает жить во мне еще той молодой и дерзкой студенткой, которую я боготворил. Но остался ли я в ее сердце? Где она теперь? Знает ли она, что меня больше нет?

Они оба знали, что на эти вопросы уже не ответить.

Затем, смахнув наплывшую на глаз слезу, он закончил:

- Почитай мой дневник. Ты найдешь много нового для себя.

Затем он медленно ушел в коридор, прикрыв за собой дверь. Дэш завалилась на бок, укрылась до подбородка одеялом и начала думать. Она думала об этом наистраннейшем

разговоре. Вряд ли она сможет проспать остаток ночи.

Тем не менее вошедшая медсестра разбудила Дэш.

- Просыпайся, Рэйнбоу... Скоро завтрак.

В спешке набив рот капустным салатом и овощной запеканкой, Дэш попросила оставить себя одну. Если сегодня и будут посетители, то придут они нескоро. Достав дневник Франца, она начала читать... И совершенно забыла, что чернила невидимые. Прочесав территорию в поисках ультрафиолетовой лампы, она ничего не нашла. Ничего, кроме кучки осколков на полу и каких-то деталей. О боги. Она разбила лампу, видимо, случайно спихнув ее с кровати. Дэш взгрустнулось. Ей хотелось незамедлительно приступить к чтению. А если в кладовке больше нет этих ламп? Где ей взять еще?

Нужно было действовать. И действовать немедленно.

Она приоткрыла дверь своей палаты. Выглянув, она увидела медсестру, чье тело находилось в коридоре, в то время как голова была просунута в соседнюю палату. Это был ее шанс. Выбежав из своей палаты, она стала тихонько перебегать, приближаясь к кладовой. Но, проходя мимо столика дежурной, она заметила папку, скрепленную резинкой и облепленную печатями. На ней красовалось имя пегасихи. Рэйнбоу Дэш. Это была ее история болезни. Жуткое желание заглянуть в нее начало нарастать в Дэш. Она встала, как вкопанная, не в силах свести глаз с этого источника информации. Не контролируя себя, она схватила эту папку и юркнула за ближайший угол. Сняв резинку и раскрыв картон обложки, она стала жадно читать. Ее глаза округлились. Она читала отрывисто, наискосок. Но и этого хватало.

... Поступила в реанимацию четвертого... переведена в стационар...

...Обнаружены смещение костей в крыльях и многочисленные кровоподтеки...

... А так же ясно выраженный ушиб головного мозга второй степени... повреждение тканей... возможное воздействие на психику...

... При наблюдении обнаружили отклонения в психоанализе... реакция порой неконтролируема и импульсивна...

... Седьмого числа случился приступ... острый мышечный спазм... проведены все возможные меры... временная остановка сердца – редкий случай клинической смерти... после прямого воздействия препаратом... на сердце сознание вновь вернулось к пациенту...

Дэш не могла поверить своим глазам. Она умерла тогда на кушетке. Ее не лечили. Ее оживляли. Она приложила копыто к своему сердцу. Оно стучало ритмично, быстро. От волнения кровь по жилам разгонялась все скорее. Ей стало страшно. Ее большое, честное и щедрое сердце отказало, подвело ее. Кто мог поручиться, что оно не откажет еще раз? Дэш сползла на пол, прислонившись к стене. Приподняв дрожащими копытцами папку, она через силу продолжила читать.

... Явные отклонения в поведении... жалобы на боль... склонность утаивать что-то от врачей... в связи с повышенной раздражительностью пациенту запрещено читать

художественную литературу (приписка: любую литературу)...

... Возможны слуховые галлюцинации... замедленная реакция... симптомы ухудшаются с каждым днем... есть опасения, что у пациента начинает развиваться шизофрения... не существует методов лечения... совещание с профессором Мэйрловером... не принесло результатов...

И свежая, последняя запись:

Разговаривала сама с собой этой ночью. Жестикулировала. Реагировала так, словно кого-то видела в комнате. Возможно, это связано с воспалившейся фантазией, но признаки душевной болезни на лицо. Следует немедленно приписать к психиатру. Она может быть опасна. Возможно, ее придется снова приковать к койке.

Дэш было нечего сказать: по ее щекам текли слезы. Это-то, чего она так добивалась. Узнать всю правду о себе. Грязная правда всегда лучше чистой лжи? Это утверждение теперь было для нее под вопросом. Под большим вопросом. Дэш сидела на полу, смахивая слезы, назойливо вытекающие из глаз. Она... не должна быть слабой. Она не может. Это и делает ее особенной. В конце концов, лучшим решением для нее будет решение сражаться, идти дальше. Хотя ей все-таки было страшно за свою психику. Очень страшно. Самое – жуткое – не понимать самого себя. И Дэш, похоже, не понимала.

Дэш просидела в таком положении несколько минут. Осознав, что находится в опасном положении, она собралась с силами и быстро встала. Проанализировав ситуацию, она тихонько глянула за угол. В коридоре медсестры не было. Дэш быстро, но тихо добежала до столика и положила на него историю болезни ровно так же, как и нашла ее. Затем, пробежав еще несколько метров, она заскочила в уже до боли знакомую кладовку, в спешке громко захлопнув дверь.

- Твою мать! – выругалась Дэш, понимая, что времени осталось очень мало. Она с двойным усилием начала копаться в горах аппаратуры, перебирая все вокруг, посещая каждую полку и каждую коробку. Слезы еще не высохли на ее щеках, пегаска крепко стиснула зубы и продолжала работать. Нигде, нигде она не видела заветной лампы. Видимо, она была единственной на этаж. Но Дэш не останавливалась. Ей не хотелось верить в потерю последней опоры разума. Она чувствовала, как ее копыта затекали и болели. Так не могло быть. Но надежда все угасала и угасала...

Вдруг Дэш услышала топот копыт за дверью. Она мигом перестала шуметь и замерла, прислушиваясь к шагам, не дававшим ей покоя. Это явно была медсестра. «Хоть бы она не заглянула сюда!» - молилась про себя Дэш в то время, как медсестра в коридоре искала запропастившуюся неизвестно куда пегасиху. Осознав, что выбора нет, Дэш решила бежать. Подождав, пока шаги не утихли, она осторожно выглянула, а затем и выскочила из кладовки. Она помчалась в свою комнату. Дверь хлопнула, тихонько. Дэш зашла и упала прямо на одеяло, переводя дух. Да, перебежки для нее были большой обузой.

Опомнившись, она быстро собрала осколки лампы и выбросила их. Она снова достала

дневник, попыталась хоть что-нибудь высмотреть там без лампы, но это не увенчалось успехом. Она убрала его под матрас.

Встал вопрос: а что теперь делать? Дэш нашла мячик в ящике и принялась играть с ним. О пол, о стену, в копыто. Бум. Бам. Бум. Бам. На стук прибежала медсестра.

- Где ты была? Мне вновь пришлось тебя искать! – обличала она бедную пегасиху.

- Я... Я просто захотела в уборную, а вас рядом не было, так что...

- Ты хоть понимаешь, что всполошила всю больницу? Я уже не знаю, что с тобой делать! Ты в курсе, что главврач настаивает, чтобы тебя приковали к кровати? И я уже всеми силами пытаюсь удержать его от этой меры!

- Дэш опустила глаза вниз, ее отчитывали как маленькую девочку. Но единственное, что ей оставалось – это терпеть и задабривать своих мучителей. Ведь это и давало ей свободу.

Этому ли ее учил Дуглас? Дэш виновато, как могла жалостливо посмотрела на медсестру и та растаяла.

- Дэши... Ты же знаешь, что я всегда готова тебе помочь... Но ты же сама понимаешь, что меня ждет жестокое наказание, если я буду бесконечно буду тебя прикрывать. Пора уже стать самостоятельной. Ты больше не будешь убегать без моего ведома, ясно?

- Да, мэм.

Сестра улыбнулась.

- Ой, кончай меня так называть, дурашка. Для тебя я просто Рэтчед.

- Простите, мэм. Ой, то есть... простите, Рэтчед.

- Ничего. А теперь будь паинькой и больше не стучи своим мячиком. Ты пугаешь пациентов из соседних палат. Играй им тихонько.

- Да, м... Рэтчед.

- Вот и отлично ^_^, отдыхай, - сестра снова улыбнулась и тихо вышла из комнаты. Дэш осталась одна.

Следующий час она предала размышлениям о том, как ей стоит раздобыть новую лампу.

Это было не так – то просто. Больница была трехэтажной, на каждом этаже дежурила медсестра, изредка обходя больных да и еще и врачи, регулярно посещавшие своих пациентов. Много кто может ее спалить. А раз так случится – не миновать ей тех жутких петель на копыта... Снова эта адская боль в спине....

Дэш потрясла головой. Черви сегодня в ударе. Ну так как же найти лампу? Кладовки на каждом этаже были на одном и том же месте. Нужно выбраться ночью и спуститься ниже на этаж. Черт, это будет трудно. Но она добудет ее. Во что бы то ни стало. Дэш поклялась себе.

Вначале пегасиха начала отягчать себя тяжелыми думами о свободе. Но затем бросила это дело и начала играть мячиком. Тихонько, как ей и сказала Рэтчед. Бумс, бамс. Часы тикают. Бумс, бамс. Время течет. Бумс, бамс. Бесконечно долгое заточение.

Дэш отобедала овощами на пару и решила подремать. Но не тут-то было. Она услышала знакомый звук. Характерный звук прыжков. Источником такого звука могла быть лишь

одна пони. Дверь была открыта. Пинки хотела уже залететь в палату к своей подруге, но ее окликнула Рэтчед. Розовая пони подсакала к ней. Наклонившись к ней, медсестра сказала Пинки диагноз. Затем что-то еще. После минуты разговора Пинки стала махать копытами и в итоге тыкнула себя в глаз. Она давала Пинки-клятву. Эту клятву не разрушить. Она клялась не говорить Дэш о диагнозе. Пегаска ухмыльнулась. Слава Селестии, что она уже все знала. Или к сожалению?

Пинки развернулась и пошла к Дэш, правда, уже не такая веселая. У нее с собой была сумка. Внутри что-то было. Пинки принесла ей вкусняшки.

- Привет, подруга! Ну как у тебя делишки?

- Неплохо...,- ответила Дэш, ухмыльнувшись. В ее голове созрел коварный план.

- Я тебе тут принесла превкуснейшие кексы!, - она раскрыла сумку и на свет выплыла коробка с меткой кондитерской Понивилля. Там было шесть отличных кексов.

Кексы... Как же. От Пинки и не ожидаешь другого.

- Спасибо.

- Всегда пожалуйста! Подруга, можешь мне поверить, когда тебя выпишут, я закачу огромную вечеринку в твою честь! Там будет конфетти, и пунш, и песни, и танцы, и конфеты, и игры, и....

- Ладно, ладно, я поняла. Ты прекрасная подруга, Пинки. Но могла бы ты сделать мне одолжение? Последнее, что мне нужно. Честно-честно.

- Конечно! Но что тебе ...

- Неет, ты сперва поклянись, что выполнишь мою просьбу.

Пинки посмотрела на нее, подняв бровь, и открыла рот, чтобы возразить, но Рэйнбоу напрочь перерезала такую возможность:

- Поклянись.

- Я копытами клянусь, пусть хоть кексом подавлюсь, - и тык в глаз.

- Хорошо, слушай сюда...

Несколько минут пегасиха объясняла, что ей нужно. Она старалась рассказать все подробно, ведь у нее есть лишь один шанс на миллион. Но Пинки, способная обходить и без того шаткую физику Эквестрии, должна справиться с этим.

Выслушав план, Пинки основательно его переварила и выдала вопрос:

- А что такое ультрафиолетовая лампа?

- Это лампочка, светит фиолетовым цветом. Очень красивая. Да еще и дезинфицирует воздух. В общем, мне очень нужна такая. Но мне никто не дает.

- Ну... Ладно, я постараюсь сделать это.

- Ты не постарайся... Ты сделаешь это, Пинки. Я знаю это.

Розовая пони серьезно кивнула и вылетела из палаты. Или выбежала. Или выпрыгнула...

Не важно, ведь Дэш этого даже не заметила. Она лишь сидела и желала подруге удачи. Она обещала, она сделает. Ее клятва – тверже стали. Вот уж кто – самый честный пони.

Погодите, а как же...

Эплджек, которую Дэш так бестактно спугнула. Практически выгнала. Стыд снова теплым, мерзким ручьем полился по телу пегаса. Опять это чувство. Мозг, за что ты так со мной?

Пинки вернулась. Через десять минут. В зубах она бережно несла лампу. Как она прошла мимо множества врачей, оставшись незамеченной – уму непостижимо, но дело она свое сделала. Дэш почувствовала трепет и ей захотелось обнять подругу – тем более, что раньше она этого так не ценила.

- Иди ко мне, - сказала она и обняла пони, которая была ее лучшей подругой. Одной из лучших. Она имела свою, темную сторону. И побороть ее было нелегко. Но дружба и поддержка – вот то, что вытянуло Пинки из пучины сладострастия и затворничества. И тот эпизод многому научил Дэш. И пегас запомнила урок.

Мило поболтав еще пятнадцать минут, поедая кексики, они разошлись. Пинки покинула Дэш, мотивируя это необыкновенным завалом в кондитерской. У каких-то пони в Понивиле была свадьба, и был заказан огромный торт. Работа над ним шла уже второй день. Отвлекаться было нельзя. Но чего только не сделаешь для такого торжества. «Надеюсь, ты посетишь эту свадьбу» - это были последние слова розовой пони перед уходом. Символично сказано...

Часть 3

Дэш еще несколько минут просидела, раздумывая над их разговором, как вдруг она вспомнила про лампу. Быстро вытянув из-под матраса дневник, она включила наконец это устройство и накрылась с головой одеялом. Ей пришлось постараться, чтобы найти место, где она остановилась. Ага, отель. Что было дальше?

Я проснулся, и многое изменилось. Всю ночь я думал о Мэриал, и видел сны с ней. Она была рядом. Во сне она вернулась ко мне, прося прощения и умоляя стать ее второй половиной до конца своих дней. Я, пораженный ее предложением, незамедлительно ответил «да». Она обещала, что мы будем счастливы. И мы были счастливы. А потом я проснулся один на двуспальной кровати в недорогом отеле города Хуффингтон. До чего же паршиво так просыпаться.

Мой сон лишний раз доказал, что я не могу жить без этой злосчастной кобылицы, хотя раньше мне это удавалось. Что я буду делать дальше – не знаю. Это конечно смешно, но я постараюсь ее забыть. Хоть как-нибудь. Не смогу я жить с этим бременем.

Прошел новый год. Встретил его один. С бутылкой медовухи. Мама прислала. И спасибо ей. Мое отражение в зеркале составило мне неплохую компанию.

Святая корона Селестии! Они приняли! Они приняли мой рассказ! Сказали, что мое повествование о любви - шедеврально. Признаюсь, я премного польщен. Они предлагают мне незамедлительно переехать в Кантерлот и занять место регулярного писателя.

Даже аванс прислали. Мне нечего терять. Я соглашаюсь. В ближайшее время съеду из

этого серого города. Это мой шанс вкорме изменить мою жизнь. И да, я снова кидаюсь в пучину неизведанности. И мне это нравится.

Плюнул в лицо директору ресторана. Наорал на урода-менеджера. Всем коллегам честно высказал, все что думаю. И уволился к чертям. Они все тупые сволочи. Я всегда ненавидел свою работу, впрочем как и свой город. Я бесконечно рад, что мне представилась возможность раскрыть свое истинное «я». Я всем, покажу, кто я такой. И я ни перед чем не остановлюсь.

Распродал мебель, осталось продать квартиру. Жду ответа на объявление. Дописываю роман. Вдохновение все чаще стучит в мои двери. Надеюсь, это надолго. Мне оно еще не раз понадобится. Квартира в Кантерлоте уже нашлась. Она чуть поменьше моей, но этого хватит. Правда, поначалу с деньгами будет туго. Ну потом я выкарабкаюсь. Может, Чарли мне чем поможет. Все-таки мы с детства дружим.

Мую квартиру приобрел какой-то старик. Долго торговался. Пришлось скинуть часть цены. Но не в убыток себе. Я еду в поезде, шатаюсь из стороны в сторону. Перед отъездом купил себе еще невидимых чернил. Не знаю, есть ли такие в Кантерлоте. Зачем я додумался писать ими? Я хотел (неразборчиво) и понять, чего я стою. Не в этом ли смысл жизни?

Дэш сидела на сундуке с личными вещами в купе Франца. А он все строчил в свой дневник. Шатало действительно сильно. За окошком был уже поздний вечер. Кое-где вдали мелькали огни. Они ехали через поле. Дэш показалось даже, будто в этой глубокой полутьме кто-то бродил вдоль путей... Но это было, скорее всего, ее воспалившееся воображение.

- Твоя мечта сбылась?, - спросила она молодого Франца, - этот город и есть то, чего ты добивался?

- Не знаю, - ответил тот, не оборачиваясь, - по крайней мере теперь я буду оправдывать ожидания своей матери.

- Зачем же ты ей так долго врал?

Дуглас замолчал на минуту и затем резко развернулся. Глаза его горели. Его сердце разрывалось. Душа металась. Он пытался отречься от мира сего, и он был таким чужим, совсем не таким, каким он приходил к ней в палату по ночам. Он бы молод и горяч. В нем не было еще той рассудительности, что царила оплотом в душе повзрослевшего Франца. И он ответил:

- А что мне еще оставалось? Как бы ты поступила на моем месте? Зачем мне разочаровывать и без того одинокую и покинутую мать? Я даю ей надежду. И теперь эта надежда оправдалась. И я почти ничем не жертвую.

- Но это ложь...

- Это – ложь во спасение. Пони говорят, что грязная правда всегда лучше чистой лжи. Но

это не так. Совсем не так. Весь наш мир держится на лжи. И всех это устраивает. Дэш задумалась. Его мысли совпадали с ее собственным недавним умозаключением. Они действительно были похожи. Невероятно похожи. И от этого становилось жутко. Дуглас продолжал яростно смотреть на Дэш. Пегасиха чувствовала его взгляд, но не отвечала ему. Затем она медленно слезла с сундука и подошла к Францу вплотную. Взглянув ему прямо в глаза, она сказала чуть слышно:

- Ты не прав.

Дэш выглянула из-под одеяла, чтобы вдохнуть новую, свежую порцию воздуха. Заодно прислушалась. В больнице было тихо, как на кладбище. Продолжив чтение, она попыталась снова влезть в воспоминания Дугласа. Но не могла.

Она что было сил пыталась сконцентрироваться на словах, но никак не могла вернуться в тот поезд. Заклинание не сработало. Дуглас не пускал ее. Получалось только читать.

Я приехал в Кантерлот на рассвете. Это совершенно иной мир! Я кажусь в нем пришельцем. Какие у всех наряды, какие у всех манеры... Сегодня встречаюсь с агентом по недвижимости.

Когда я пытался поздороваться с ним, он даже не поднял копыта, лишь одарив меня брезгливым взглядом. Но он показал мне квартиру. Она крошечная. Она невероятно мала. Но зато под ключ. Все, что в ней есть, кроме кухни и туалета, это маленький диванчик, рабочий стол (который заодно является и обеденным) и крохотная кровать с тумбой. И да, шкаф с книгами. Предыдущий хозяин не скупился на книги. Тут в основном философская литература. Я спросил агента, кто был предыдущим жильцом. Он ответил, что это был профессор в местном университете. Он всегда был очень учтивым и вежливым. И он убил себя, спрыгнув с балкона, который агент мне также потрудился показать. Очень мило.

Но пишется здесь здорово. Моя квартира находится на восьмом этаже панельного дома. По архитектуре он очень странный: все округлое, бело-розовое и кремовое. Умиротворяющее. Совсем непохоже на серые громады Хуффингтона. Мне ко многому придется привыкать. А вид... Я таки вижу замок Селестии! Пусть и кусок сбоку, но зато это уже ничего.

Сходил в издательство. Сначала не поверили, что это я. А когда наконец поверили, посоветовали мне обновить гардероб. С этим делом обращаюсь к Чарли. Он же у нас модельер. Именитый модельер.

Но в общем мне были очень даже рады. Мне предложили на выбор небольшой офис либо работу на дому. Я незамедлительно отказался от офиса. Он был гораздо меньше моей спальни, да и вставать рано утром на работу мне уже порядком надоело.

Разобрали для меня мой рассказ. В целом, по их мнению, он неплох, но они настойчиво посоветовали меня убрать некоторые «провокационные» части. Это – условие к его

печати. Я согласился. Надо же узнать, как воспримет мою прозу город. Потихоньку разложил свои вещи. Потерял второй пузырек с невидимыми чернилами. Отлично. Сегодня же узнаю, где купить такие. Этот уже заканчивается. Я не прекращаю думать о Мэриал. Я все еще люблю ее (неразборчиво)

Мой рассказ напечатали в еженедельном журнале «Вестник Кантерлота». Это наименее популярный журнал в городе. Но тираж вроде немаленький. Мне сказали, что отпечатано 400 штук. По крайней мере несколько сотен пони увидят мое творение. Довожу до ума роман. Приключения, описанные мною в нем, проходят в пыльных песках Зебрики. Но я там никогда не бывал. Может, я не все правильно описал. Не знаю, оценит ли мой роман кто-нибудь из этой страны.

Побывал дома у Чарли. Замок, что говорить. Отдельно стоящий коттедж, в котором не менее 10 комнат. Все в бархате и мраморе. Да еще и личные повар с уборщицей. В общем, даже не представлял себе такого. И да, из окна его спальни видно золотые ворота Кантерлотского Замка. Чарли рассказывает, что не раз видел, как Селестия запрягает охранников садится в золотую колесницу во дворе замка и вылетает наружу.

Мой закадычный друг также входит в высшее общество и без того интеллигентного общества Кантерлота. И он знаком с многими влиятельными персонами. Он очень может мне помочь в продвижении моих произведений. Хм, а честно ли это?

Чарли совершенно бескорыстно подарил мне два наряда, которые имеет смысл носить в этом городе. Один черный костюм с воротом, для официальных вечеров. И повседневный голубой костюмчик, по моему мнению, не менее официальный. Сам-то я привык ходить налегке. Но как житель этого города я просто обязан научиться следить за своим стилем. Город странный, что сказать. Спасибо, кстати, Чарли. Я когда-нибудь обязательно отплачу ему тем же.

Я тихонько пишу рассказы для издательства. Живу в своей квартирке. Ничего не меняется. Недавно мне приснилось, что я сижу на диване этой квартиры, а рядом со мной был пожилой профессор – прошлый хозяин этого дома. Он завел со мной долгий разговор о том, что же есть свобода. Не могу вспомнить все детали, но суть была такова: он утверждал, что свобода – это когда тебя никто ничем не удерживает. И я согласился с ним. Тогда он ответил «А чем же смерть не свобода?» и выпрыгнул с балкона прямо на теплый асфальт цветущего города. Вот такой у меня был сон.

...

Этого я не мог ожидать! Это нельзя описать! КАК это могло произойти? Извините, что подчерк кривой, просто я (неразборчиво)...

Обо всем по порядку.

Сегодня вечером я сидел над своим новым рассказом, «Мечта оружейника», и он про войну. Но не в этом суть. Я аж дрогнул от яростного стука в мою дверь. Я тихо подошел и открыл ее. Моему изумлению не было предела! Боже мой, не знаю как описать мои чувства! (неразборчиво)

Передо мной стояла Мэриал. Яркая фиолетовая грива была всклокочена, она вся была какой-то помятой и грязной, и я просто встал в ступоре. А она подняла на меня свои невероятные желтые глаза и прошептала: «Прости меня». После чего упала без сил. Сейчас она спит на моей кровати. Я укрыл ее одеялом. Она так мила... Как это произошло? Завтра предстоит долгий разговор... Черт, копыта дрожат, мне сейчас не до рассказа...

Она в душе. Боже, как она прекрасна. Мы поговорили с ней. Это долгая история. Но в общем все было так:

Она не смогла поступить в ХГГУ. И ей пришлось искать замену. Она увидела объявление о новом университете здесь, в Кантерлоте. Поступать, как сообщалось, было легче. Она не хотела упасть в глазах родителей и меня. Поэтому, она собрала свои пожитки и остатки денег и тут же отправилась в путь, ничего никому не сообщив. Вступительные экзамены начинались уже через день, а следующий поезд был только через три дня. Тут ей два парня предложили свои услуги в виде «комфортабельной кареты до Кантерлота». Она согласилась. Это было роковой ошибкой.

Где-то на полпути до Кантерлота они резко остановились и ограбили ее. Они избили ее, пытаясь (неразборчиво)... Это было ужасно.

Она сбежала от них. И оказалась в чистом поле без монеты и без еды. Она спала прямо на траве. Бродила в полудреме. Потом нашла какой-то городок и украла там еду. Голод давал о себе знать. Потом она ночевала на чьей-то яблочной ферме, под кронами деревьев. Затем пошла на восток. Натолкнувшись на железную дорогу, она пошла вдоль нее. Дорога эта вела к Кантерлоте. Она шла и день и ночь, устало пытаясь остановить мчавшиеся рядом составы. Но никто ее даже не заметил...

Дэш дрогнула. Она видела Мэриал. Тогда в поезде, сидя на сундуке Франца. Вот же черт... Она неделю добиралась до города. Добравшись же наконец, она упала прямо на вокзале. Ее нашли, отвезли в госпиталь. У Мэриал было обезвоживание. Она похудела на 8 кг. Ее лечили, как ей казалось, совершенно бесплатно. А затем предъявили счет. Она снова сбежала, поскольку оплатить такую сумму ей было не по силам. Она стала жить на улице, попрошайничать. Ночевала на скамье, в парке, перед золотыми воротами замка Селестиш.

Однажды укрываясь газетами и журналами, она прочла мой рассказ. И поняла, что я живу здесь. Найдя в справочнике мой адрес, она пришла сюда. Вот и вся история. Сейчас сижу, перевариваю ее. Такое мало кому удавалось пережить.

Мне бесконечно жаль ее. За что судьба так поступила с ней? Мэриал ни в чем не виновата. Невероятно, как ей удалось сохранить присутствие духа после всего этого. Она все еще слаба, спит очень много. Я варю ей супы и каши. Она живет у меня дома...

Я боюсь выходить из дома, оставлять ее одну. Но продукты покупать-то нужно. Потихоньку отогреваю ее, изредка выбегая за новой порцией живительной пищи. Напишу, когда ей полегчает.

Она уже довольно бодра и резва. Сейчас... Февраль 994 года, и я счастлив. Я отвел Мэриал к косметологу. Она вышла от него такой расслабленной и красивой, что мое сердце сжалось от умиления. Мы пошли в ближайший бутик и купили ей красивое платье. Потом мы гуляли по красивейшему городу. Умывались в фонтане, ели сладкую вату, смотрели на уличных музыкантов и сидели на лавочке в парке. На той самой лавочке, на которой еще неделю назад ночевала моя возлюбленная...

Мы сидели, смотрели на замок, и вдруг она резко повернулась ко мне и сказала: «Я люблю тебя». И мы поцеловались. Ее губы... (неразборчиво). Мы признались друг другу в любви...

Сейчас она спит на моей кровати. Я давно уже привык к дивану, и казалось, всегда там спал. Меня совершенно устраивало, чтобы Мэриал жила у меня, но я чувствовал, как ей неловко находиться здесь, и то, что я совершенно чистосердечно ее выхаживаю и даю ей кров, очень сильно ее смущало. Она не раз говорила о том, что собирается найти себе работу и снять отдельную квартиру. Я продолжаю протестовать. Я не хочу, не могу отпустить ее...

Мэриал стала работать частным учителем психологии. И у нее неплохо получается. Она сказала, что книжки профессора ей здорово помогают. Она ходит к ученикам на дом (взимая за это дополнительную плату), а я в это время жду ее дома за своими книжками. И очень волнуюсь. Но наш, ближний район Кантерлота, называемый Хайхув, нам хорошо знаком. Кстати, мое издательство находится ближе к центру, в Даунтауне. До туда мне час пешком. И мне это нравится. Люблю подышать свежим воздухом, доставляя моим работодателям свежий рассказ каждой воскресенью. И это прекрасно. Мне нравится этот город.

У Дэш разболелась голова. Черт, она слишком много читала. Она откинула свое одеяло и огляделась. За окном было уже темно. Рядом с ней, на тумбочке, стоял поднос с ужином. Эшли принесла его. Она не заметила, как Дэш читает дневник. Случайно или намеренно. Дэш спрятала лампу с тетрадкой и приступила к трапезе.

... Ночь тихо пришла к Дэш. И она с удовольствием бы поспала. Но головная боль давала о себе знать. Она так и не могла впасть в сладкую дрему. Ее мозг... Раскалывался...

Она стала вспоминать старые времена, когда она могла спокойно летать, не заботясь ни о

чем, не размышляя над вечными вопросами. Она гоняла облака, веселилась с друзьями, ничто ей не мешало... Теперь все это казалось ей чьей-то чужой жизнью. Она была так хороша и беззаботна, но недостижима. Воспоминания родили в ней лишь новые приступы боли.

Пегас повернулась на бок, пытаясь освободить голову от навязчивых мыслей, но ей все время что-то мешало... Перед ней появлялись образы. Образы ее друзей, образы Дугласа и Мэриал, образ принцессы Селестии, такой далекой от мирских дел. Что-то заставляло ее напрягать мозг. Боль... Боль все нарастала... Дышать становилось трудно. Животный страх снова обуял Дэш. Снова, снова вспомнился приступ... Тело покрылось холодным потом... Пегасиха изогнулась и задрожала...

Черт... Черт... Черт... Черт!!!

... И тут боль прошла. Разом. Будто ее и не было. Дэш сначала не поверила в это. А затем, осознав, что это не сон, робко открыла глаза. Франц, пригнувшись, смотрел на нее с улыбкой. Его глаза были на уровне с ее глазами. Он смотрел глубоко, разглядывая каждый уголок ее темной души. Дэш чувствовала это. И ей было тепло...

- Ты посетила меня сегодня. И это было необычно.

Дэш глянула на него своими алыми брильянтами и тоже улыбнулась.

- Я давно такого не ощущал. Я видел тебя в поезде. Более того, я видел себя самого. Я был так молод, во имя Селестии, каким же я был мальчишкой. И как же я был глуп. Я рвался вперед, не думая о прошлом... В этом ли моя свобода? Не знаю. Спасибо, что помогаешь мне переосмысливать жизнь. Я не жалею, что прожил так мало. Ведь мне удалось испытать столько эмоций, сколько не хватит и десятку пони, - его улыбка потихоньку сползла вниз, он что-то осознал или вспомнил...

- Ты так и прожил десять лет с Мэриал в Кантерлоте?

Ее собеседник призадумался, отошел и, вздохнув, снова уселся на свою койку. Какое-то время тишину пререзал лишь звук скрипящих старых пружин, но потом пони-призрак ответил:

- Нет. Это не так. Но я прожил с этой кобылицей достаточно долгое время. И жизнь была безоблачной, беззаботной. Мне жутко нравилось само ее присутствие... Мэри можно назвать моей музой...

- А как тебе писалось?, - пегасиха снова села на край кровати, прикрывшись сухим, накрахмаленным одеялом.

- Писалось-то мне отлично. Я закончил свой роман. Я написал еще множество рассказов, многие из которых пользовались успехом. Годом позже я уже выпустил собственный сборник. Продажи были неплохие... Но не оправдали ожиданий, ведь издательство обрезало половину материала, очень важного материала. Меня постоянно ограничивали, эта чертова система... Жуткая машина влезла в мозги населения, и пыталась добраться до моих. Но я отстранился от ее воздействия. Я пытался печататься в подпольных изданиях. Но получил очень серьезный выговор на работе. И перестал сопротивляться.

- Ты лишаешь меня боли?, - совершенно неожиданно спросила Дэш странного посетителя.
- Я освобождаю тебя от боли. Я делаю то, чего хочешь ты, ведь я часть твоего мозга. Я не Франц Дуглас. Я - лишь то, что было передано в твой мозг вместе с моей писаниной. Плод твоего воображения. Твоего чрезмерно развитого воображения. Я – последняя воля Франца, если можно так выразиться.

- Ты про дневник? Оттуда я познала тебя?

- Может быть, но вряд ли только из него... - загадочно ответил собеседник.

- Но...

- Ты познаешь еще многое через мои строки... Просто дочитай дневник. Еще немного осталось. У меня есть одна небольшая тайна, которая может тебя сбить с ног. Поэтому пусть все приходит постепенно.

Он помялся немного, затем грустно посмотрел на нее и закончил, толково подбирая слова:

- Ты сильная девушка, Дэш. И мы с тобой неразрывно связаны. Ты – идеал, который я ковал в течение всей своей жизни. Ты – вершина всего того, что я считал истиной. Я создал тебя, Дэш. И ты победишь. Главное – терпи.

С этими словами он встал с койки, подошел к окну, открыл его и встал на подоконник. Счастливо глянув на Рэйнбоу заплывшими от слез глазами, он шагнул вниз.

Шум ветра.

Ветер резко распахнул окна, ставни чуть-чуть поколебались, впуская холодный воздух в палату... и тут же захлопнулись. С этим хлопком боль вернулась к Дэш. Обрушилась. Накрыла ее с ног до головы.

Тело изгибалось в агонии, спина горела. Грудь сдавливало, будто на нее кто-то сел. Сердце начало яростно биться в болезненном припадке. Казалось, оно вот-вот перегреется и взорвется. Боль прокатывалась снизу вверх, заставляя каждую клеточку дрожащего в судороге тела почувствовать адские языки пламени. Из носа брызнула кровь, окропляя футболку и белоснежные простыни. Что-то рвалось, трескалось внутри...

Разум прояснился... Омут мыслей пропал, вместо него появилось холодное и жуткое осознание... Осознание неизбежности. Окончательно стало понятно: это был новый приступ. Но на этот раз было тяжелее. К невероятному вороху болезненных ощущений прибавилась и головная боль. Было страшно, страшно кряхтеть с выпученными от ужаса глазами в темноте этой палаты, зная, что за стеной спокойно спали другие пациенты, наслаждаясь своим сном.

Это было невероятно сложно, но Дэш распахнула рот, чтобы вдохнуть воздуха и издать, наконец, душераздирающий крик. Вся больница перевернулась. Повсюду топот. Удар двери о стену. Вспыхнул свет. Рэтчед была первой, кто прибежал. Она глянула на Дэш, и, часто повторяя «нет-нет-нет-нет!!!» подбежала к пегасихе. Вслед за ней уже неслись другие медсестры с препаратами.

Рэтчед что-то кричала другим, шептала что-то пегасихе, но Дэш ничего не слышала. Медсестра была для нее онемевшей. Уютно онемевшей. Мир снова поплыл...

Открыв глаза, Дэш осознала, что она на митинге. На немислимых размеров площади перед ней столпились тысячи, десятки тысяч пони, все воодушевлены, верные взгляды направлены на своего лидера. Этим лидером была Дэш. Играл огромный оркестр. Пони били копытами о землю, приветствуя Дэш. Осознав свою роль, пегасиха начала действовать. Скинув черный кожаный плащ, она оказалась лишь в латексном костюме, плотно прилегающем к ее телу. Расправив крылья для придания антуража, она вышла к трибуне и услышала волну оваций. Пегас грациозно встала напротив десятка микрофонов, стукнула один копытом, и, убедившись, что тот работает, начала свою речь.

... Громовой голос жестокой правительницы взмыл в небеса над площадью...

- Привет, отродье!

Народ ответил радостными возгласами.

- Неужели вы думали, что можете так просто прийти на шоу? Испытать гордость и радость, и вынести полезный урок?

Пони отвечали да.

- Так вот, у меня для вас плохие новости. Дэш сейчас нет, она давно в больнице. Теперь есть только Дэринг Ду!

Народ разглагольствовал. Лучи прожекторов выхватывали фигуру вождя над пеленой костров... У Дэш волосы были серые. Она стояла, озаряя своим величием низшие формы жизни, что бились в приступах радости у ее ног. Ду торжествовала.

- И я буду наводить порядки! И кто же к нам сегодня пришел? Земные пони? Уведите это дерьмо с площади!

В толпе началась возня. Солдаты хватали пытающихся сопротивляться пони. И вели их. Ду уже перешла на крик, рвущий горло.

- Сбросьте их со скалы! У них нет крыльев, но мы научим их летать!

Толпа поддержала это. Овцы... Стадо... Целый табун безмозглых пустышек. Одни хохотали, наблюдая, как других тащат по земле.

- Здесь единороги? Солдаты, вбейте им рога в голову! Может, они и поумнеют!

Пони продолжали драться друг с другом. Дэринг Ду сияла.

- Позор вам и клеймо! Подонки! Кто вообще пустил этих ублюдков сюда? Всех на кол!

Толпа была готова съесть повелительницу.

- И будь моя воля, я бы распотрошила каждого!

Ду стукнула по трибуне, прогнув металл. Оркестр заиграл. Изрядно поредевшая топа ликовала. Дело было сделано. Снова надев свой плащ, она кинула последний взгляд на площадь, развернулась и... задохнулась от удушающей боли.

Дэш тряслась в конвульсии, у нее изо рта шла пена. Она лежала на своей кушетке, мокрой от пота. Дуглас сказал ей терпеть. И она терпела. Вокруг метались белые халаты, пытались организовать друг друга и оказать пегасихе необходимую помощь. И было ей больно. И она держала эту боль в себе.

Но в какой-то момент ее чаша была переполнена. Последняя капля прорвала заслонку

разума. За секунду до того, как иглы врачей вонзились в тело пегасихи, Дэш потеряла сознание.

А потом чернота. Ничего. Ни единого видения.

Утро резко ворвалось в сознание бедной Рэйбоу Дэш. Первое, что она увидела, были ее подруги. Флаттершай, виновато улыбаясь, держала в зубах букет полевых цветов. Они прекрасно пахли. Рэрити же принесла ей красивую вазу. Поставив все это на полку рядом с кроватью Дэш, они обратили свои взоры на многострадальную подругу. В их глазах читалось сострадание. И доброта. И едва прикрытые нотки отчаяния. Дэш усмехнулась: подруги знали, что она безнадежна. Они улыбались. Но хотели плакать.

- П-привет, Дэш...

- Здравствуй, быстрейшая пони. Мы смотрели, как ты спишь. Ты словно ангелочек.

«Ангелочек, метающийся в судорогах словно паралитик»

Мило, мозг.

- Мне очень приятно, что вы решили меня посетить. Но я сейчас не вполне в товарном виде, так что...

- Ничего, ты всегда остане... остаешься для нас красавицей, Дэш. Ты скоро поправишься, поверь мне.

Дэш взгляделась в лицо Рэрити: уж не скривились у нее губы?

- Я надеюсь, - как можно более оптимистично и беззаботно произнесла умирающая пегасиха.

Умирающая? Давно ли она перешла в такую категорию? Еще неделю назад она радовалась жизни, делала планы на будущее. Но как она могла планировать это самое будущее, если она не могла поручиться за свой же собственный завтрашний день? Дэш больше не была свободной. Сейчас ей становилось все хуже и хуже. Ей беспрестанно кололи обезболивающее. И в голове от этого был туман. Тихим ходом в ближайшее время что-то согнетса: либо тело Дэш, либо ее мозг. И сложно понять, что же хуже...

Но мозг уже давно жил своей жизнью. Это он водил ее на луну. Это он приходил к ней по ночам. Это он принес ей столько боли...

- Ну что, как дела у вас? Что нового происходит в Понивиле?

Ее подруги немного растерялись.

- Эм... Ну разное всякое...

- Да... У нас свадьба готовится, будет много гостей, красивое торжество...

- А я сшила платье для невесты...

- А я приготовила букеты цветов...

Они тархтели, пытаясь убажить подругу потоком информации. А она лежала и наслаждалась. Может, она в последний раз их видит. Может, все, что будет дальше – это лишь боль и страх. А от их болтовни голова даже перестала болеть. Это прекрасно – иметь

подруг. Можно ли спокойно умереть, не познав истинной дружбы? Ведь дружба творит, порой, немислимые вещи. Дружба – это магия. Спасибо Селестии за то, что Дэш удалось это пережить. Иначе жизнь была бы серой...

А подружки все говорили. Про свадьбу, которую Дэш никогда не посетит. Про новые коллекции платьев. Про милых зверушек в лесу. А Дэш пропускала это мимо ушей. Она слышала лишь музыку... Далекую, непостижимую, но являющуюся синонимом слова свобода. Она была тихой, переливалась, словно соловьиные трели и грела, грела продрогшую душу бедной пегасихи. И душа таяла...

- ... И обязательно сошью тебе отличное платье, Дэш. В нем ты будешь ходить на любые вечеринки. И в Клаудсдэйле все будут тебе завидовать... Ты только держись, милая.

Дэш воспряла ото сна. Взглянув на подругу осмысленным взглядом, она вытерла копытцем намернувшуюся слезу и прошептала:

- Спасибо вам. Спасибо, что были со мной.

- Мы всегда будем с тобой! – сказали они почти одновременно и обняли Дэш. И объятие это было крепче стали.

Рэрити и Флаттершай недолго пробыли в покоях пегасихи. У них не было срочных дел но, по стечению обстоятельств, врач решил посетить Дэш именно в полдень и выгнал подруг. Проводив их долгим взглядом, Дэш нехотя переключилась на общение с этим педантом. Он пытался узнать, как у нее дела. Задавал множество вопросов. Долго осматривал, щупал крылья (причиняя немалую боль). Дал таблетки. Дэши осталась сидеть в некой прострации после всех этих процедур. Затем, понимая, что терять нечего, снова завернулась в одеяло с цилиндрической лампой и старой тетрадкой.

Прошло уже несколько месяцев. Мы практически семья, как глупо бы это ни казалось. Ввиду некоторых причин мы теперь спим вместе. Но какой бы классной Мэриал ни была в постели, нам ужасно узко, поэтому срочно требуется новая кровать. И сегодня я еду за новой мебелью.

Я подкопил денег на своих книжках, хотя цензура, зараза, тугим воротником давит на меня. Тугим ошейником?

Мне понравилась одна двухместная малышка с балдахином. Это, конечно, влетит мне в копейку, но такую красоту нельзя упустить.

Я стараюсь бывать на природе, пытаюсь учуять дым вдохновения, сочащийся меж деревьев... И иногда получается. По выходным меня пускает в свой сад Чарли, и там, под кронами божественных деревьев, под журчание фонтанов и пение птиц рождаются, порой, мои самые душевные произведения.

Но, к сожалению, единственный читатель, который читает мои произведения неотредактированными, это Мэри. И она критикует меня. И я ей за это бесконечно благодарен.

Роман дописан. Но, к сожалению, вряд ли выйдет в свет. Я инкогнито давал его нашему главному редактору. И тот, пробежавшись взглядом по строкам, над которыми я так долго работал, посоветовал мне сжечь роман. Но не в этом суть. То, как этот роман удивил редактора, лишь прибавило мне решимости и воли.

С Мэриал вижусь не так часто, как хотелось бы, и я дорожу каждой минутой, проведенной с ней. Великая Селестия! Она так восхитительна! Мы стараемся больше гулять и вообще отлучаться от нашей узкой, пыльной квартирки. Кстати, Мэриал не знает, кто был ее предыдущим владельцем. И меня это устраивает. Профессор меня больше не посещал во снах.

Этот период я могу со всей уверенностью назвать периодом спокойствия. Мы живем с Мэриал вместе в одном из красивейших городов Эквестрии. Моя мечта, видимо, исполнилась! По моей просьбе Мэри прописалась в моей квартире. Теперь мы официально сожители! Как же мне нравится быть с ней!

Ее день рождения мы отпраздновали в дорогом ресторане – было недешево, но очень вкусно, специально приглашенная артистка играла на контрабасе, принесли торт, она задула двадцать красивых свечей и загадала что-то очень сокровенное. Надеюсь, наши желания совпадают. Вынужден бежать, меня ждут тонны жаркой любви...

...

Вот и год подошел к концу. Все шло так размеренно... Я буквально плевался новыми и новыми рассказами и продолжаю это делать. Не могу ручаться, что в каждый я вложил душу. Но пони, вроде, нравится. Мой рассказ «Лестница в небо» приобрел широкий успех, как бы нескромно это не звучало. Меня пригласили на литературный вечер в доме культуры. Там я повстречался с многими знаменитыми деятелями литературного искусства. И это принесло мне массу удовольствия. Там был даже Рок Фист – автор боевиков, знаменитых своими мелочами. И он лестно высказался о моей прозе. Я был польщен.

Новый год я провел с любимой кобылицей. Как и мечтал когда-то.

...

У Мэри есть постоянный ученик. Голдэн Мэйн. Очень милый парнишка, жаль что у него нет родителей. Он потихоньку платит нам из своего наследства. Живет в каморке на окраине. Мы позволяем ему иметь уроки у нас в квартире. Он всегда посещает нас с огромным энтузиазмом. У него огромные успехи, он будет отличным психологом. Мэри иногда его подкармливает. Похоже, он у нас пригрелся, но я не возражаю... Мэри напоминает мне молодую мать... Хотя она сама еще как ребенок.

Получил заказ на написание стихов... Сейчас сижу, маюсь. Странно, когда Мэри заходит, мысли проясняются. Вот уж где мое вдохновение! Она преподносит свои идеи, и видит Селестия, они мне помогают. Интересно, как публике понравится моя лирика...

Стих готов! Вот отрывок:

*И нож любви пронзил мне сердце
Закат стеной огня горит
Ты тихо приоткрыла дверцу
Меня с собою заведи
Я видел пламенные взоры
И вздохи страсти поутру
Твоих речей лихих узоры
И вьется грива по ветру...
Ты до безумного прекрасна
Ты даришь мне надежды свет
Любовь, порою, так заразна,
Что ничего на свете нет
Твой только образ, леденящий
Мне душу падкую, едва
Я кину взор свой пепелящий
На круп... В глаза такого божества.*

Мэри одобряет. Надеюсь, редактор будет так же лоялен ко мне.

Бум! Порвалась заслонка моральной отрешенности! Мои стихи вызвали каскад одобрительных рецензий и обращений ко мне с просьбой настрочить еще пару тысяч строк. В который раз я польщен. Черт возьми, да я же поэт. Спасибо музе.

Я заинтересовался поэзией. Перечитываю Пушкинса (одного очень известного поэта позапрошлого века из Санкт Петерсхуфа) и набираюсь опыта. Все-таки это теперь моя новая отрасль творчества.

Голдэн Мэйн носит нам газеты. Всячески нам помогает. Недавно вызвался даже квартиру нам почистить, но мы вежливо отказались. У него кончаются деньги. А в гуманитарную школу требуется вступительный взнос. Мы дали ему денег, просто так. Когда я протянул ему мешок с бренчащими золотыми монетами, он зарыдал. И мы поняли, как ему плохо.

Мэри учит его бесплатно. И мы оба этим удовлетворены. Я был в его квартире... Это свалка, бомжатник, крыша прохудилась, само здание – под снос. Парень долго не выживет, оставаясь там. Сложно поверить, ему всего двенадцать... Мы с Мэри

задумались. Серьезно задумались.

Мои рассказы приносят нам неплохой доход. Я долго думал, чем же отплатить Чарли за его доброту, но потом решил подарить ему книгу. Свой рассказ. Ни о чем не жалея, я отдал рукописный экземпляр своей (неразборчиво) этому пони. Он, наверное, единственный, кто прочтет ее. Я желаю ему добра. Он богатый, как хрен.

Мы выкупили соседнюю квартиру. Сломали стену между нами. Стало невероятно просторно. Правда, когда я обмолвился о том, что планирую сделать собственный спортзал, получил подзатыльник от Мэри. Короче, в нашей квартире может поместиться целая куча всего! Я давно мечтал создать свой кабинет.

Обновили кухню. Мэриал и так неплохо готовит, но новые приборы позволяют ей прямо таки делать чудеса. Честно, в плане еды она у меня ювелир! А вчерашний штрудель снес мне баиню!

Отослал недавно матери большую сумму денег. Написал о своей жизни. Надеюсь, она гордится мной.

Хорошенько посоветовавшись, мы решили предложить Голдэн Мэйн пожить у нас. Хотя бы какое-то время. Не было предела его радости, как только он услышал от нас это предложение. Вот у нас и новый сожитель! Пока он спит на диване, но скоро мы присмотрим ему хорошую кровать. Он к нам надолго...

Недавно перечитывал свой дневник... Да... как же много всего прошло за два с половиной года. Я сильно повзрослел за это время. Надеюсь. Отныне буду писать только о самых важных событиях моей жизни, вкратце. Осталась треть флакона, а писать видимыми чернилами я не соглашусь. Ну, прощайте долгие рассуждения.

Июль 995 года. Выше сборник моих произведений. Назвал его «Цвет разума». Любой цвет, какой хотите. Только если он черный. Разошелся широко. Чарли без ума от моего рассказа. Он предложил издать его, но я посоветовал ему придержать поней.

Сентябрь 995 года. День рождения Мэри отпраздновали, прыгнув с парашютом с высокой башни. Дух перехватило, чувствую себя пегасом.

Октябрь 995 года. Состоялась наша с Мэриал поездка в Лас-Пегас. Отели тут невероятные, номера просто огромные, как и цены. Я познал казино. Черт возьми, это серьезный бизнес. Азартные игры. В нашей стране не все так безоблачно и просто. Выиграв небольшую сумму в похер покер, мы купили Мэриал классные серьги. Ну, это в какой-то мере достижение.

Дом наш содержал Мэйн, который теперь работает курьером. А что, он у нас бегать любит.

Декабрь 1995 года. Отвергли мой большой рассказ под названием «Мать с атомным сердцем». Это меня сильно расстроило. Дали новое задание – поэму. И не какую-нибудь, а во славу Селестии. В честь юбилея принцессы. Меня это, конечно, заинтриговало, но я не какой-нибудь жополиз. Я откажусь.

Поправка: я согласился. Не назову причин. Пытаюсь опубликовать «Мать» хоть где-нибудь.

Получил серьезный выговор за свои попытки. Меня чуть не уволили. Снова выпал гребаный снег.

Меня постоянно жмут сроками, цензурой и разной хренью. Скоро может развиться депрессия. Попросил Мэриал проконсультировать меня. Она посоветовала мне отдохнуть.

Дописав поэму, я взял отпуск и уехал в (неразборчиво). Тут тепло и море. Я один. Тихо. Система, частью которой я стал давно, гудит где-то позади меня. Я не пишу. Объявил бойкот.

Март 1996 года. Написал по заказу издательства роман. Назвал его «Тонкий лед». И он про психоз. Не знаю, будут ли его печатать. Все чаще застаю себя за чтением философской литературы. Вот сейчас напротив меня лежит, например, книжка «В ожидании червей». Червей в голове. И она мне нравится.

Все такое серое. Где та свобода, о которой я так мечтал? Город надоедает. Мэри становится привычкой.

Май 1996 года. Голдэн Мэйн сдал вступительные экзамены. Он поступил в гуманитарную школу. Мы были нескончаемо рады и устроили праздник по этому поводу. Но стало понятно, что с сентября он покинет нас и станет жить в общежитии. Как когда-то хотела Мэри. Я утираю отеческую слезу. Как же я горжусь Голдэн Мэйном. Он мне как сын...?

Лето 1996 года. Прежде чем отпустить нашего парнишку на свободу, мы решили провести с ним как можно больше времени. Сгоняли вместе к моей маме. Она очень удивилась моей компании. Но благословила нас. Она сначала подумала, что Мэйн – мой сын, это было забавно. Когда речь зашла о женитьбе, я честно спросил Мэри, хочет ли она выйти за меня. И она сказала, что она не против, но не видит в этом нужды. И я согласен. Женитьба – это уже перегиб. Нам нравится ощущение незаконности и какой-то экзотичности, царящее в нашем доме. Гражданский брак – вот что нам нужно.

Август 1996 года. Мне исполнился тридцатник. Всерьез задумался о своей жизни и своем опыте. Я продолжаю писать книги о (неразборчиво). Я вписываю свои размышления

туда. Как же я мечтаю попутешествовать когда-нибудь. Может, это сделало бы меня свободным?

Сентябрь 1996 года. Голдэн Мэйн покинул нас. Я чуть не плакал. Я обнял его и пожелал удачи. Я скуп на чувства?

Декабрь 1996 года. Выпал снег. Сижусь с чашкой глинтвейна на террасе снятого нами коттеджа недалеко от Кантерплота. Тут мои мысли приходят в порядок. Мэриал купила себе скрипку. И пытается играть. Скрип режет мне слух и заставляет блевать кровью. Я отвечаю ей, что ее мелодии прекрасны.

Февраль 1997 года. Только сейчас я понял, что застаю возвращение принцессы Луны на землю. Через 3 года. Это будет более чем необычно. Меня посетило множество различных мыслей и я решил написать рассказ на эту тему. Посоветовавшись с редактором, я получил такой ответ:

«Ты не понимаешь, куда пихаешь свои грязные копыта. Тебя затопчут за такое. Эта тема – табу. Прежде чем решишь сесть за этот рассказ, прислушайся: нет ли стука городских стражников в твои двери? Может, за тобой уже вылетели. Так что разворачивайся и иди писать по нашему заказу, или ты окажешься на улице»

Меня потрясло это заявление. Вот оно. Вот та машина, что душит меня. Вот она, бюрократия. Вот оно, лицемерие и чиновничество. Я поражен. Свобода... свободой даже не пахнет.

Апрель 1997 года. Нихера не происходит.

Июль 1997 года. Вышел мой второй сборник. Назвал его «Прощай, голубое небо». Все стали его восхвалять. Кто-то написал в рецензии, что это «чистая психоделика с нотками саморазрушения». Спасибо. Продолжаю писать романы о НЕЙ. Вот уж кто знает, что такое свобода. Вот уж кто переживает самые настоящие приключения. А чего стою я? Я спросил об этом у Мэри. Она ответила, что я стою ее. Я задумался.

Мэри неплохо играет на скрипке. Она ходит на уроки музыки. Вместе с ней учится другая кобылка, по имени Октавия. Она играет на виолончели. Ее музыка меня поразила. Натолкнуло на написание очередного стиха.

Сентябрь 1997 года. Мне пришло извещение. Моя мать умерла. Она сгорела вместе со своим домом. Почему-то начало гореть сено, лежащее возле дома, огонь перекинулся на крышу. Мать спала. Она не могла успеть что-либо сделать. Надеюсь, она задохнулась от дыма до того, как ее тело начало гореть. Меня пригласили на опознание. Мне жутко больно. Когда приподняли простыню, я увидел обугленные останки моей мамы. Мне

хотелось рыдать и кричать. Меня выворачивало. Мой разум заплыл. Вместо того, чтобы адекватно отреагировать, я просто упал на пол и заснул. Я потерял сознание, кровь пошла носом. Лежу четвертый день в больнице. Ем мало. Не могу спать. Дрожу. Даже пишу криво. Мэри редко отходит от меня. Она сейчас в туалете. Моей мамы больше нет...

*Она никогда не боялась смерти. Она говорила, что конец придет к каждому, и что нет смысла бояться неизбежного. А что будет, когда умру я? Кто-то приподнимет и мою простыню. Надеюсь, я именно умру, а не погибну. Потому что моя мать погибла...
(неразборчиво)*

У меня холера. Сижусь дома, смотрю в окно. Пару раз сидел на балконе и чуть было не прыгнул вниз. Мэриал остановила меня. Ее глаза в этот момент... Такое не передать. Ураган мыслей, который обычно был у меня в душе, теперь превратился в серую кисель. И я выплескиваю эту кисель в лицо знакомым. Чарли не узнал меня, когда пришел в гости. Он принес сидра.

...

*Конец! Года 997! Ура. Я пишу какую-то ересь в издательство, улыбаюсь как идиот в рыло начальнику и частенько прикладываюсь к бутылке. Сидр я заменил на Кальвадос. Балдею. С них со всех. Они смотрят на меня. Машина жрет меня. Я сижу и пялюсь на картину. Мэриал купила ее. Холм, лес, и гора сверху. И везде бродят пони... И там, и сям. Но Мэри их почему-то не видит. И она говорит, что беспокоится за меня. А я пропадаю в пабах. Прихожу домой пьяный. А Мэри плачет. Ну и хуй с ней!
Все бесит! Отвяньте!*

998 год, что-то там весна. Мой рассказ, написанный по пьяни, очень понравился даже в высших слоях общества. Меня назвали писателем десятилетия и хотят дать какую-то награду, ее преподнесет лично Селестия и вообще какая-то тупость. Я не хочу идти. У меня дела есть. Я на картину смотрю.

*Мэри закатила мне истерику. Ее крик звучал каскадом в моей голове, я был пьян, я не мог терпеть это. Ну я не мог! Что я мог сделать! Я ударил ее по лицу. Она упала. Она уже 3 часа сидит в ванной. Бежит вода. Дверь наглухо закрыта. Я в пятисотый раз умоляю ее простить меня. Стучу. Нет ответа. Я вызываю врачей, потому что...
(неразборчиво).*

Боже мой. Боже. Так нельзя. Я в приемной. Моя Мэриал в реанимации. Что я наделал. Я тварь. Я дерьмо. Я хочу убить себя...

Врачи выбили дверь. Мэри была в ванной, с головой в воде. Вода была в легких, она потеряла сознание. Попытка суицида. Она чуть не отошла в мир иной, и я виновен в этом.

Похмелье режет мне голову, скоро будет белая горячка. Я пил 4 месяца. Я прогулял наши деньги. Мэри говорила, что я стою ее. Это не так. Я не стою даже локоня ее волос.

Она пролежала две недели. Когда меня пустили к ней, ослабшей и покинутой, я боялся встретить ее взгляд ненависти. Но она сквозь силу... улыбнулась мне. Во имя Селестии... Я никогда не оставлю ее. Я поклялся, что никогда не буду пить.

Май 998 года. Торжественный литературный вечер во дворце принцессы Селестии. Она принимает гостей лично. Литераторы всей страны съезжаются сюда. Я надел свой лучший фрак, вечернее платье Мэриал – выше всех похвал. Мы приехали на золотой карете через золотые ворота прямо к золотым ступеням золотого дворца. Пройдя по красной ковровой дорожке, мы были встречены лично принцессой. Я сильно волновался. И я никогда не видел такой пони. Она была гораздо выше меня. Ее грива развевалась словно по ветру, хотя я готов был поклясться, что никакого ветра там не было. Она учтиво пригласила нас присоединиться к остальным.

Все господа, что со мной когда-либо общались в этом городе по сравнению с этими пони – лишь уличный сброд. Это высшее общество. Это величайшие писатели. Лучшие мыслители и умы. И я среди них. Нам невероятно неловко, но мы терпим. Пишу эти строки в туалете. Краны, кстати, тоже золотые. Ладно, напишу потом, уже дома, как пройдет награждение.

Вот и конец. (неразборчиво) Я пакую вещи. Все произошло так:

Один за другим пони вручали ордена, и в связи с разделением областей литературы, я оказался в конце списка. Ожидая, пока меня пригласят на сцену, я стоял возле фуришета. И я понял, что я невероятно боюсь. Боюсь опозориться. Снова подвести Мэриал. И я решил выпить чуть-чуть шампанского, пока Мэриал не видит. Для храбрости. Пузырьки напитка ударили мне в голову. Алкоголь ударил мне в голову. Опустошив несколько бокалов, я остановил пробегающего мимо официанта и спросил его:

- Эй, служивый, а Кальвадос у вас есть?

Тот ответил да, и я приказал ему принести всё, что есть. Он вернулся с двумя бутылками. Я начал пить прямо из горла. Я выпил за час две литровые бутылки Кальвадоса. И меня начало шатать. И тут называют мое имя. А я ничего не понимаю, меня толкают на сцену. Я стою перед Селестией и глупо улыбаюсь ей. Меня шатает. Мэри начинает нервничать в толпе.

- Уважаемый Франц, - пропела сквозь шум в моей голове принцесса, - твое творчество, а в особенности рассказ «Возвращаясь к жизни» вызвал множество положительных откликов от самых авторитетных критиков. Кто-то удосужился назвать его шедевральной. И мне лично он тоже сильно понравился. Итак, именем Божественного Совета, я нарекаю тебя полноценным членом высшего общества Кантерлота и дарую

тебе орден за вклад в философскую литературу.

Я стою и шатаюсь. Хрюкаю. Смеюсь над чем-то. Стражник в парадной одежде принес платиновый орден на маленькой подушечке. Селестия торжественно одела его мне на шею. Я икнул.

- Ваши слова, господин Дуглас, - подсказал мне стражник и я вышел к трибуне, вообще не соображая, где я. На меня смотрело несколько сот пони. Я стоял, шатался и начал толкать речь заплетающимся языком.

*- Я вот *ик* награду получил. Это... Спасибо, мне нравится ваша награда. Блестит. И тут все *ик* блестит! Тут золота полно! А откуда вы столько *ик* берете? Золото сложно добывать. И вы богатые, как черти... А вот парень есть, его *ик* Голдэн Мэйн зовут. Знаете такого? Нет. У него родители умерли, и он сам чуть не умер на чердаке... Я ему помогал и как папочка с ним возился. А у меня *ик* мама сгорела. Понимаете, приподнимают простыню, и вот она! Совсем как в детстве, только *ик* обугленная. Мертвая. Но я большой мальчик, я *ик* не плакал. Я ваще вас всех люблю. Но Мэриал... Мэриал я просто обожаю... Она меня любит... Она так трахается, вы не представляете. Я пишу книги, вот и *ик* она моя муза. Вы читаете мой рассказ, значит вы читаете Мэриал. Правда, она иногда как сучка себя ведет, визжит. Ну пришлось ей разок в дупло и заехать. Я показал, кто *ик* здесь мужик. А она сразу топиться. Но я ее спас! Я хуев герой! Смотрите на меня! Читайте мои книжки. А у вас хуевый наряд. Вы видели мой флак? То есть ф-ф-фрак. Он классный и я его надел. Мне его один друг сделал, он тоже *ик* модельер, читает мою книжку и вообще охуенный парень. Жаль что он педик. Он как-то приставал ко мне в школе. Что были за времена! Вот я как-то...*

Можете представить себе реакцию толпы. Все обомлели. Все стояли в ступоре. Никто не мог вымолвить ни слова. Даже Селестия была шокирована. Первым очнулся охранник. Он схватил меня за шиворот, скинул со сцены и повел... и потащил меня посреди омертвевшей толпы. Я не сопротивлялся. Но, завидев Мэри, я высвободился, подошел к ней и начал говорить:

- Милая, ты жи знаешь, как я тебя... ну это, мы...

Она, не произнеся ни слова, выплеснула мне в лицо пуни, что она держала в копыте. И ушла. Это был последний раз, когда я ее видел. Я на секунду протрезвел, но вдруг мир скрутился и опять поплыл. Охранник снова подхватил меня и выволок на улицу. Я вырывался и орал матом. Подоспевали новые охранники. Они связали меня и кинули в карету. Я вознесся в воздух. Два пегаса тащили за мной повозку. Я ничего не соображал. Но холодный воздух чуть-чуть проветрил мне мозги. Веревку развязали и меня выкинули на ночное шоссе. Улетели. Я провалялся на холодном камне часа два. Потом меня подобрал какой-то старик, я смог промямлить ему адрес и он отвез меня туда. Он

обокрал меня. Или я все потерял. Орден исчез. Но дневник при мне. Мэриал не простит меня. Я собираю вещи и отправляюсь. Куда – не знаю. В путешествие. Я уже испортил все что мог здесь, пойду все портить в другое место. Собираю все, что мне может понадобится. Забрал все мои ненапечатанные книги. Уже утро. Я собрал чемодан, денег на неделю и оставил дома записку исповедального характера. Попросил извозчика подвезти меня к издательству, в котором я честно отработал 3 года. Я достал свою сумку с рукописными книгами и положил их перед дверью еще не открытого издательства. Шестнадцать книг. Вся моя «Дэринг Ду». Все, что я втихаря писал, размышляя о свободе. Оно передо мной на холодном бетоне. Теперь пусть как хотят, пусть печатают или нет. Это уже не важно. Я вновь заскочил в повозку. И умчал в рассвет. У меня закончились чернила. И это моя последняя запись. Хочу сказать спасибо всем тем, кто был добр ко мне, терпел меня. Я очень признателен. Я надолго уезжаю. Может даже не вернусь. Прощайте. И простите.

Последнее слово было написано обычными чернилами.

Часть 4

Дэш прямо таки обомлела. Франц Дуглас. Автор «Дэринг Ду» - самой продаваемой книги в Эквестрии. Его книги читало несколько миллионов пони. Его книгу читала Рэйнбоу Дэш. Это Франц Дуглас подарил ей свободу и надежду тогда, когда она была взапертив этом ужасе. Дэш поняла, с кем она была в одной комнате. И этот пони отдал свою жизнь ради нее. Она недостойна его жизни. Дуглас сделал миллионы пони счастливыми. А его имя даже не было указано ни на одной из книг. Он не пользовался славой. Сотни экспертов пытались вычислить, кто же автор. И никто не мог подумать на пьяницу, так нелепо опозорившегося на весь Кантерлот. А он на деле был невероятен.

Так вот в чем свобода. Давать свободу другим. И если ты владеешь свободой другого, то и свою ты держишь под контролем.

Смерть стоит свободы. Покой стоит свободы. Франц, ты перевернул мировоззрение многим пони. Таким вряд ли могут похвастаться даже принцессы. Этот пони, что умер четыре дня назад на соседней койке – самая могущественная персона в Эквестрии. Дэш подумала, что если бы она могла вернуть все обратно, вернуться в ту злочастную ночь и пожертвовать собой ради Дугласа, то она незамедлительно бы так сделала. Со спокойной душой. И чистым разумом. А разве так нельзя сделать?

Обед пришел вовремя. Наверное. Медленно пережевывая капустные листки, она размышляла о возможном перемещении в прошлое... И как могло бы случиться по другому...

В тот же день был еще один посетитель. Но это не был кто-либо из ее друзей. Это была незнакомая земная пони. У нее была салатовая шерсть и фиолетовая грива, ловко зачесанная набок. И шрам. Шрам на щеке, будто ножом рубанули. Погодите...

- Привет. В этой палате был Франц Дуглас?

- Да, э... На той койке.

- Спасибо.

И тут она повернулась боком к Дэш. Пегасиха увидела ее кьютимарку. Компас. Ну конечно же. Это была Мэриал. Годы прошли по ней, но в ней все еще виднелась та грация и девичьи манеры, которые были свойственны кобылицам из высшего общества. Да она была красива, что уж там.

- Ты была с ним в одной палате, когда это случилось?

- Да...

- Извини, что не представилась. Меня зовут...

- Мэриал.

Кобылица усмехнулась.

- А ты, видимо, уже изучила его дневник... , - пони посмотрела на табличку на кровати больной пегасихи, - Рэйнбоу Дэш.

Пегасиха достала из-под матраса старую тетрадку. И лампу. Земная пони приняла все это в свои копытца. Приоткрыв ее, она полистала тетрадку и прикусила губу. Слезы навернулись на глаза.

- Так... Так вот где был его дневник. Я несколько раз смотрела на эту тетрадь, она неизменно была в ящике его стола. И видела лишь пустую бумагу. Я спрашивала себя: зачем? Зачем ему тетрадь, которую он уже четыре года не трогает? Но теперь я вижу... Невидимые чернила. Видимо, флакончик он хорошо прятал. Ты весь его прочла? Дэш утвердительно кивнула. Мэриал просидела с минуту в тишине, шурша листами тетради. Ее взгляд смотрел куда-то вверх Дэш, в стену. Она задумалась...

- Мэриал, а...

- Я получила уведомление. Его завещание. Он завещал все, что у него было, мне. Права на все его книги.

- Дэринг Ду...

- Да. Я воистину восхищалась его романами. Они были прекрасны. Свобода... Она ощущалась, как только ты открываешь книжку. Как он мог писать это, будучи запертым в золотой клетке? Я не знаю. У Франца был великий талант. Мне иногда кажется, что он еще рядом со мной.

Дэш на секунду увидела фигуру Франца, стоящего в коридоре. Он повернулся к ней и, улыбаясь, подмигнул. Дэш протерла глаза. В коридоре стояла медсестра. Дуглас опять привиделся. Мозг все еще шутит над ней...

- Я... Он думал, что вы его никогда не простите за тот вечер... Он уехал...

- Я сначала ушла в себя. Уехала к матери, в Мэйнхеттен. Я провела у нее две недели.

Вернувшись, я твердо решила переговорить с ним... Каково было мое удивление, когда я обнаружила в квартире лишь письмо и вазу с букетом давно завядших роз...

Всхлипнув, Мэри достала из сумки, что была у нее на боку, аккуратно сложенный кусочек бумаги. Развернув его, она еще раз пробежалась глазами по строкам.

- Я держала это письмо при себе все это время. Перечитывала его сотни и сотни раз. Это не он чудовище, это я. Когда я ворвалась к нему тем далеким утром, он принял меня с распростертыми объятиями, хотя я сбежала от него. Но когда у него умерла мать... Что я сделала, чтобы помочь ему? Это... это очень сильно повлияло на его сознание. А я как дурочка верила, что все пройдет. Он утопил свое горе в алкоголе. А я утопила нашу любовь в слезах. Как я могла так поступить... Я могла его остановить. Но я всегда была эгоисткой. Я не стою его...

Она снова всхлипнула и протянула листочек Дэш. В спешке написанное письмо гласило:
Дорогая Мэриал,

Я не представляю, какого тебе было, когда я тебя так опозорил. Я не контролировал себя. Я обещал, но не сдержал обещание. Я чудовище. Я достоин самого страшного наказания. Хотя тебе, наверное, это уже ничего не скажет. Пойми, что я никогда не желал тебе зла. Ты – самое лучшее, что было в моей жизни. Ты вытягивала меня из системы. Но я не ценил этого.

Знай, что я невероятно любил тебя все эти годы. Ты – недостающая половина меня. И вторую половину я отправляю теперь в путешествие. Я надеюсь, навсегда. Я не хочу вредить родным людям. Прости меня.

Франц, с глубокой любовью.

Дэш была поражена этой запиской. Что творилось в душе у этого пони, когда он писал такое? Видимо, он отрешился от всех своих идеалов, отправляясь в путь. И отдал Мэри последнее, что у него было. Он невероятен...

- Я проревела несколько дней. Потом я узнала, что в Кантерлоте издаются его книги. И пользуются большим спросом. Издаются они и в Хуффингтоне. И в Мэйнхеттене. И в Сталлионграде. И во многих других местах. А он уезжал, убегал от своей славы. Он не хотел быть замеченным. Он стал призрачным странником. Носил капюшон.

Путешествовал. И он уезжал из города, если туда ехала партия книг о «Дэринг Ду».

Убегал. Он так изменился за это время. Собственно, он оставил мне свой журнал.

Она достала еще одну тетрадь, потолще дневника. Раскрыв его, она достала вложенную карту мира, развернула ее, и показала пегасихе.

На старой карте были четко отмечены все перемещения Дугласа.

- Я старалась найти его. Я узнала, что он был в Зебрике. Я поехала туда. На корабле. На это ушло полгода. Я искала везде, но нигде его не нашла. Франц умел замечать следы. За пять лет он совершил практически кругосветное путешествие. Он был в Германике. Потом в Грифонских Королевствах, среди воюющих земель. Он жил в Пранции, кушал штрудель, глядя на Мэйнфелеву башню. Прошел по землям Ибиксиана. Затем он долго плыл, побывал к Цэрвидасе. Целый год он был у оленей. Затем жил среди затворников на Голубом озере, в Потерянных землях. Там он пытался понять себя и обрести nirvanu. Затем он переехал в Камелу. Там, среди верблюдов, он познал тяжелый физический труд. Он, кстати, продолжал как-то зарабатывать все это время. Затем он оказался в Зебрике, как

и мечтал. Он очень лестно отозвался о их столице, Цевере. Но мне она не очень понравилась. Дуглас читал стихи для верховного консула Зебрики. И тоже стал популярен. После этого он съехал, продолжив путь на запад. Преодолев Тихое море, он оказался в Республике Тапиров. Там его чуть не убили. Потом он путешествовал по Сибearии. Это он описал как «самое тяжелое испытание в его жизни». Он был в Боардоре – стране свиней, довольно примитивных, но более дипломатичных, чем их описывают. Но жизнь в ледяной тундре выбила его из колеи. Он пошел еще дальше и оказался в Выжженных Землях. Туда редко ступало копыто пони. По моему, там до него побывал только небезызвестный Кристофор Полумб. А Франц писал там стихи. Сидя на красном песке и наблюдая извержение вулкана. Он назвал это «Самым ужасающим и прекрасным зрелищем на планете». Прожив там три дня в палатке, он пошел на север. Через месяц скитаний он оказался на Среднем Западе, стране буйволов. Познав традиции этих существ, он отправился на острова Урсланд, где повстречался с медведями. Они научили его рукоделию и механике. Прожив у них почти полгода, он отправился на восток, в сторону Эквестрии. Пожил в Гильдедале. Потом в Глазкоу. У коров ему понравилось. Затем он окончательно вернулся в Эквестрию. Попутешествовав по берегу Перекрестка Вечности, он побывал в Стэйблслайде, затем в Санкт Петерсхуфе. Там он общался с потомками Пушкинса. Затем он посетил родной Хуфингтон, пожил в том же отеле, где жила я. Потом он решил найти свой покой в Понивиле. В поезде по пути сюда он дописывал журнал о своих приключениях. К тому времени его книги были всемирно известны. Но он не показывался публике. Купил себе домик на окраине. И там он понял, что так и не познал свободы.

- Но почему? Он же побывал почти везде! Попробовал все, что мог! Как можно было не обрести свободу?

- Его очень сложно понять, Франс всегда был одним из тех пони, которые никогда не удовлетворятся, не достигнув идеала. И тогда в голове моего бедного Дугласа возник план, страшный по своей простоте: он решил создать воздушный шар и взлететь так высоко, где никто еще не бывал. В идеале это был космос. Он несколько месяцев покупал материалы, составлял чертежи и строил шар. Никто не видел и не знал, что он делает и чем занимается. Осознавая, что идет на неоправданный риск, он написал завешание и отослал его в нотариальную контору. Вместе со своим журналом. Затем его творение было готово. Не знаю зачем, он решил вылететь ночью, в грозу. Это было жутко опасно. Кинув последний взгляд на засыпающий городок, он отвязал веревку и вознесся к звездам. Город отдалялся. Захватывало дух. Наверху были только облака. Он взлетел на порядок выше Клаудсдэйля. Внизу мелькали огни. Недалеко от него блестели молнии. Он достал пергамент и начал писать. Франц написал одно единственное четверостишие, прежде чем вложить его в дневник. Он прорвал заслонку из темных облаков и оказался над ними. Сверху на него смотрели миллиарды звезд и полная, безумно красивая луна. Идеальная тишина... Франц закрыл глаза. Он обрел свободу. Вот – то, к чему он шел столько лет. И

шар лопнул из-за переизбытка газа. Франц начал падать с немыслимой высоты. Вокруг свистел ветер. Он падал вместе с обломками корзины. Ткань шара загорелась от устройства, поддерживавшего полет. Издали это напомидало огненный шар, падающий на землю. Где – то по всей Эквестрии влюбленные парочки начинали целоваться, завидев красивую падающую звезду. И этой звездой был Франц. Он, закрыв глаза и улыбаясь, готовился встретиться со своей судьбой.

Мэри всхлипнула.

- Он окончательно выпал из корзины и упал в лес. Ветви деревьев приняли на себя удар, он скатился с холма и оказался в овраге. Его шар приземлился где-то на озере, неподалеку. Франц... Его нашли утром. Он был без сознания. Весь в крови, множество открытых переломов, поврежден позвоночник. Один из санитаров уверял меня, что видел его мозг. Господи... Его тут схватили и положили в реанимацию, в эту больницу. Десяток врачей сутки бились за его жизнь, и они вернули ему сознание. Проснувшись, он дико застонал и зарыдал, пытался бежать, и в него кололи новые и новые порции успокоительного. Затем его перевели сюда, в стационар. После этого, похоже, прибыла и ты. Он умер через неделю. Убил себя, как мне сказали.

Мэри не выдержала и начала плакать.

- Мне так жаль, - сквозь свои слезы пыталась проговорить Дэш. Но ей тоже было плохо. Боль этой пони передалась и ей. Эта атмосфера страданий держалась оплотом в палате номер семь. В палате, где потихоньку гнила Дэш.

Поплакав немного, Мэри утерла лицо.

Дэш пронзительно посмотрела на Мэри и решила рассказать свою шизофреническую историю:

- А он... Ты, наверное, не поверишь мне, ведь у меня проблемы с головой, но... Франц приходил ко мне... Во снах. Мы с ним разговаривали, уже после его смерти.

Мэри заинтересованно глянула на пегасиху.

- Да? Хм... Необычно.

- Да! И он говорил, что дает мне уроки свободы, учит, как быть выше мира сего. И как... убежать из системы, которая грызет горло. Он рассказывал мне о своей жизни, о тебе, о, ты не поверишь, насколько он тебя любил, безумно любил до самой смерти. Он сводил меня на луну, и показал, что такое покой. Он дал мне свой дневник. И я его читала. Его строки принесли мне много телесных страданий и душевных наслаждений... Я знаю, это звучит странно, но он сказал, что я – его творение. Что я – Дэринг Ду.

Мэри приподняла бровь.

- Дело в том, что я имею, по его словам, поразительную способность. Читая книги, я не просто вникаю в их суть, я умудряюсь вселяться в книгу, стать ее героем, и все это чувствовать лично. Я чувствовала себя Дэринг Ду. Его книга давала мне свободу, несмотря на то, что я была заперта. Я.. я читала дневник Франца. И я переместилась в поезд, когда он ехал в Кантерлот, и говорила с ним. Я не могу это объяснить, я слишком

впечатлительна, да и травма мозга...

На какое-то время в комнате царило молчание, но потом Мэри вынесла вердикт:

- Это... Интересно. Знаешь, и мне когда-то казалось, что я его видела.

Но в ее глазах не было сарказма или удивленности. Так не смотрят на безумцев. Так смотрят на собратьев по несчастью.

- Кстати, вот то самое четверостишие.

Мэри извлекла очередной кусочек бумаги и прочла:

- Надо мною в ночной тишине

Звезды вечности ярко горят

Они будто бы манят к себе

Никогда не забуду тебя...

И снова тишина. Дэш пережевывала эти строки. Что пережил Франц... Что он чувствовал?

Сложно влезть другому пони в мозг... Но Дэш это удалось. Видимо, они все были

«тронутые». Безумство их объединяло. Они ведомы им.

- Мой брат сегодня женится, - произнесла Мэриал, - в вашем городке. Его невеста – очень милая кобылка, ее зовут Дитзи. Я желаю им счастья. Папа гордится своим сыном. А вот его дочь провела полжизни, гоняясь за жеребцом ее мечты. Какая же я была наивная... Я такой и осталась.

- Ты, поступила, как должна была...

- Наверное ты права. Но я все равно не хочу жить, если его нет. У меня с собой еще одна книга. Рукописная книга. Семнадцатая книга серии Дэринг Ду. Предисловие. Ее нигде не печатали. Франц запретил это делать. Его читала только я и Чарли из Кантерлота.

Она достала последнее, что было в ее сумке. Это была толстая книжка, исписанная вручную, со множеством различных вкладок и исправлений. Книга была отдана Дэш.

- Ты... Тебя что-то связывает с Дугласом. Я не возьмусь сказать, что. Ты должна прочесть эту книгу. Я дарю ее тебе. Дэш посмотрела на нее своими большими глазами и стерла слезу счастья.

Мэри улыбнулась.

- Мне было безумно приятно поболтать с тобой. Дуглас свел нас, сам того не подозревая. Надеюсь, меня ждет его судьба.

- Спасибо...

У самого выхода Мэри остановилась и ответила:

- Тебе спасибо, милая.

И вышла. Дэш осталась наедине с никем не читанным произведением одного из величайших писателей современности. Она не медля приступила к чтению.

...

Это была невероятная книга. В десятки раз лучше, чем та книга, которую ей приходилось читать. История была простой, но удивительно трогательной. Малышка Дэринг Ду, оставленная без родителей, долгое время жила в Кантерлоте одна, но после отправилась на поиски приключений. Она проделала огромное расстояние, чтобы оказаться в Зебрике. Там ее приютила добрая зебра по имени Страйп. В этой стране она научилась любви и дружбе. Король зебр потерял свой любимый амулет, который передается от отца к сыну. И маленькая Ду вызвалась его найти. Пропутешествовав неделю, она нашла амулет в пещере дракона. Тот спал, но проснулся. Ду обманом его выманила, и тот застрял в болоте. Героиня получила свою кюотимарку. После этого Ду благополучно выбралась. Король даровал ей титул герцогини, и она стала жить при королевском дворце. Ее опекали лучшие служанки. Но она сбежала и вернулась к Страйп. Та была ей как мать. Затем она стала расти и учиться сражаться. Через несколько лет злой демон напал на Зебрику, и Ду отправилась в его логово и нашла способ его уничтожить. Она приготовилась пожертвовать собой ради народа зебр, но Страйп сделала это первой. Книга была очень интересной, захватывающей и в целом доброй. Основная идея, помимо свободы, захватывало еще кое-что. Дуглас показал, насколько важно жертвовать собой ради других. Насколько важно ставить чужие интересы над своими. И это был значимый урок. Пегасиха прочла книгу за один вечер.

Дэш, забрав жизнь Дугласа, сломала сразу две судьбы. Лишила двух пони возможности жить и чувствовать. Франц мог написать еще множество рассказов. Мэриал могла стать отличным психологом. Великая Селестия, как же много горя Дэш познала за время пребывания здесь. Эта комната... Сколько всего же здесь произошло. Дэш познала еще кое-что. Она познала надежду. И покой. Она знает, что такое свобода. И она обрела ее. А Мэри так и не обрела. Что она будет делать? Может, она завтра спрыгнет с моста. Может, если бы Дуглас выжил, они бы поженились и вернулись к нормальной жизни. Дуглас показал бы, что он нормальный, что он способен пережить лишения. Как говорил один мудрец: «Умереть может каждый дурак, а ты попробуй жить дальше» Дэш была девушкой, в конце концов. А Дуглас эгоистически отправился на небеса. И он спокоен. А Дэш терпит эту боль, которая между тем все сильнее разгоралась в голове пегасихи. Риск нового приступа все возрастал. Ей была уготована смерть. Но Дугласу уготована жизнь. Его кости могут срастись, он нормально соображает, он выживет. Он умер только по своей воле. А он обязан творить.... Ему непозволительно умирать. Дэш твердо решила поменять свою жизнь на жизнь Франца. И во что бы то ни стало дать ему второй шанс. Но как ей вернуться в прошлое? И может ли она менять исход событий? Узнать это можно лишь, только попытавшись реализовать мечту. Дэш нужно помешать Дугласу убить себя. Ей нужна ее история болезни. Там ее первый приступ подробно описан и это, возможно, позволит ей оказаться снова в той белой комнате, где совершилась та дьявольская сделка.

Было уже одиннадцать. Дэш встала и прошла к столу дежурной. Тихонько разбудив ее из дремы, она попыталась получить информацию...

- Рэтчед, вы не спите?

- Я... ой, нет, ты что... Что тебе нужно, Дэши?

- А вы не знаете, где моя история болезни? – спросила Дэш с натянутой улыбкой. Ее голова раскалывалась. Она могла попросить обезболивающее, но его наркотический эффект может помутнить сознание пегасихи, и тогда она забудет свой план.

- А зачем она тебе в столь поздний час, дорогая?

- Я бы хотела узнать, что со мной происходит.

- Дэши. Я не могла бы тебе дать эту папку, даже если бы захотела. Она в кабинете главного врача. Он в отпуске. Но не волнуйся, мы выдадим тебе твою историю сразу, как выпишем тебя.

Дэш посмотрела в глаза медсестры. В них читалось: «Ты никогда не покинешь стен этой больницы!»

- Л..ладно, в любом случае спасибо.

Дэш, всхлипнув, поплелась в свою палату.

Нужен новый план, новый план. Как же забрать свою историю? Пинки-то теперь не поможет.

Так. Нужно выдвигаться ночью, когда медсестры, в особенности Рэтчед, дремлют. Затем достать где-то ключ. Скорее всего, он в стойке регистрации, что у приемной на первом этаже. Дело останется за малым. Если у Дэш ничего не получится, то она просто обоснует это страшным желанием прочесть о себе. Что, скорее всего, принесет ей ремни. Но ничего не поделаешь.

Дэш снова и снова перечитывала самые сильные части книги Дугласа, чтобы заново удостовериться в правильности своего выбора. Через некоторое время часы над дверью пробили два часа. Погасив весь свет, она прихватила с собой фонарик, который долго пролежал в ее ящичке, и отправилась в путь.

Тихонько закрыв за собой дверь, Дэш на цыпочках прошла мимо всю храпящей медсестры. Она прошла и мимо кладовки, в которой не раз бывала. Свернув за угол, она увидела выход на лестницу. Она тихо спустилась на этаж ниже. Услышав шаги, она быстро спряталась за угол. Мимо прошаркала дежурная второго этажа, полуслепая старушка. Осталось еще два пролета. Дэш благополучно спустилась и прошла в зал приемной. Она еще не видела этого места, ведь сюда ее привезли в бессознательном состоянии. Она глянула на стойку регистрации. У погасшей свечи дремала еще один врач.

Сзади нее, в ящичке, виднелись десятки ключей. Дэш НЕВЕРОЯТНО тихо протиснулась мимо медсестры и открыла шкафчик. Ей пришлось потратить немало усилий, чтобы найти нужный ключ и, подсвечивая себе фонариком, беззвучно снять его с крючка. Вскоре миссия была выполнена. Смахнув пот со лба, Дэш спокойно шагнула вперед, как вдруг...

Оглушительно громкий звон прогремел на всю больницу. Все обитатели разом проснулись. Твою мать... Сигнализация. Гребаная сигнализация. Единственное, чего Дэш не угля. Ну как же так могло случиться? Но отступить уже некуда.

Медсестра за стойкой резко вскинула голову и начала тереть глаза, пытаясь разглядеть нарушителя. Воспользовавшись ее замешательством, Дэш нырнула в ближайший коридор. Черт...

Ее фонарь скользил по дверям. Кабинет химиотерапии, кабинет хирурга, кабинет ЭКГ, кабинет лазерной коррекции. Дикая спешка. Счет идет на секунды. Ритмичное, частое дыхание.

В это время Рэдчет уже неслась вниз. Она поняла, куда отправилась непослушная пегасиха. Множество заспанных врачей уже готовили шприцы с успокоительным и снотворным. Все бежали вниз. Врачи выскакивают. Санитары неслись, разрывая воздух криками.

- Дэш! Дэш! Где ты?

В конце самого коридора был нужный кабинет. Луч высветил во тьме буквы:

**Кабинет главврача.
Профессор Мэйрловер.
Прием по будням.**

«Сейчас как раз вторник», - подумала Дэш, пытаясь вставить ключ в отверстие. От волнения копыта тряслись, ключ упал на пол. Дэш обернулась. Вдали были слышны крики и лай, виднелись отблески чужих фонарей. И вот из-за угла длинного коридора показалась пони. Это была Рэтчед. Она неслась быстрее ветра.

- ДЭЭЭШ!!!! СТОЙ!!!, – орала она. За ней выбежали другие санитары и медсестры. Все это несло к пегасихе на огромной скорости.

Дэш резко вставила ключ и повернула его. Она вскочила в темную комнату. Захлопнув за собой дверь, она закрыла ее. Включив свет, она для верности подвинула тяжелый диван, забаррикадировав дверь. Через пару секунд раздался глухой удар о дверь. Голос медсестры орал за ней:

- Дэш! Открывай сейчас же! Ты должна выйти!

Дэш кинулась на поиски тетради. Стала перебирать книги и истории на полках, просто скидывая ненужное на пол. В дверь скреблись и стучали. Рэтчед орала.

Одна полка пуста, другая, третья, надежда тихонько тает. Дэш обыскала все четыре шкафа, что были в кабинете. Нигде, НИГДЕ нет ее истории болезни. Варианта два: либо медсестра наврала, либо...

Рабочий стол. Там Дэш еще не смотрела. Подскочив к нему, Дэш начала судорожно потрошить каждый из многочисленных ящиков... Снаружи послышался приказ:

- Тащи пожарный топор!

Санитар побежал за инструментом. Дела принимают серьезный оборот. Дэш удвоила усилия. Ее чертова папка... Она...

Нашла! В последнем ящике! Распахнув историю, Дэш забралась под массивный стол красного дерева и начала искать...

Как там было? У пациента случился что-то там острый приступ...

Вот оно!

Так. Седьмого числа у пациентки Р. Дэш случился приступ, сопровождающийся обширным острым мышечным спазмом...

Санитар уже подскочил с топором наперевес.

- Руби! – услышался властный голос Рэтчед.

Первый удар вонзил тупую сталь топора в мягкое дерево двери. Треск.

Спазм принял тонический характер. Медсестра также классифицировала его как Эпилептический. Длительное напряжение мышц вызвало невероятные болевые ощущения у пациента...

Давай же, давай! Дэш из последних сил пыталась направить свои мыли в нужное русло, сконцентрироваться...

... Удары один за другим сыпались на хрупкую дверь. Она долго не выдержит. Уже образовалось отверстие, в которое влезало копыто...

Боль скалой давила на мозг бедной пегасихи... Вот оно.. Боль. Вот что ее тогда сопровождало! Дэш направила свои мысли на моральное соединение с этим безумным чувством. Она приняла боль... Дэш зажмурила глаза.

... Санитар открыл дверь и стал отталкивать тяжелый диван. Секунды отделяли их...

Боль... Боль... Боль.

Пегасиха открыла глаза. Она стояла посреди большой белой комнаты. Невероятная тишина. Весь шум где-то растворился. Перед ней стоял изуродованный Дуглас, весь в бинтах и шрамах. Он посмотрел на нее, открыв рот, чтобы что-то сказать, но Дэш его опередила:

- Франц! Ты многое пережил, но твои книги – гораздо важнее твоих страданий. Ты сделал миллионы пони счастливыми, пожертвовав собственным счастьем. Я не могу позволить себе убить и тебя, и Мэриал.

Дуглас встал в ступоре. Он не мог поверить своим ушам. Опомившись же, он тихо зашептал: «Нет, нет, нет, нет...», делая шаг назад.

Дэш подошла к нему вплотную и произнесла, честно глядя в глаза:

- Моя жизнь не стоит твоей. Я все равно не выживу. Жить уготовано тебе, Франц. И пусть я не бывала в Зебрике, но я гуляла там вместе с Дэринг Ду. Ты подарил мне свободу, и я дарю тебе жизнь. Я жертвую собой ради тебя.

С этими словами она протянула копыто, чтобы коснуться его. Последнее, что она слышала, был отчаянный крик Франца:

- Нееееееет!!!!

Боль каскадом накрыла пегасиху. Она лежала на койке, ее скручивало от ужасного приступа. Она очнулась за секунду до того, как Рэтчед воткнула свою угрожающего размера иглу в нее. Найдя в себе силы, Дэш лягнула ее так, что та повалилась на пол вместе со шприцом. Откинув одеяло, она толкнула вторую медсестру и упала на пол с койки. Прилагая невероятные усилия, она подползла к кровати Дугласа и остановила его копыто. Он тянулся к выключателю системы жизнеобеспечения. Дэш прервала его. Не дала убить себя. Он глянул на нее.

...До страшного пронзительный взгляд ее рубинов будоражил сознание. Дуглас оцепенел. Дэш неотрывно смотрела на него, слабея. Ее лицо было в крови, которая текла из носа. Она вся дрожала. Боль вместе с кровью волнами прокатывалась по телу. Из последних сил Дэш напрягла каждую клеточку тела, чтобы открыть рот и произнести:

- Ты... Должен... Жить...

Сказав это, Рэйнбоу Дэш упала замертво на холодный пол комнаты.

Ее больше не было. Она наконец освободилась, и ее хрупкая душа улетела на небеса. Или, может, на луну...

Сердце бедной пегасихи разорвалось... и не было подвержено восстановлению. Дэш умерла с улыбкой. Улыбкой счастья.

Гробовая тишина настала в больнице. Казалось, замер сам ход времени. Контуженный глянул на тело Дэш, распростертое перед ним, и зарыдал. Это доставляло ему мучения, но он плакал. Плакал, не жалея слез.

Послесловие

Дугласа выписали через четыре месяца. Мэриал наконец нашла его. Они заново пережили любовь... Дуглас решился сделать ей предложение. Они наконец поженились. Через год у них родилась маленькая кобылка. По настоянию Франца ее назвали Дэринг Ду. Дуглас решил воспитывать ее в Зебрике.

Доктор Хувс женился на Дитзи Ду. Они счастливы, но о детях еще пока не думают.

Голдэн Мэйн стал одним из лучших психологов страны. Недавно он получил орден от самой Селестии за вклад в развитие философской литературы...

Рэйнбоу Дэш была похоронена рядом с любимым деревом. Она раньше частенько спала на его кронах. Теперь туда иногда приходит Твайлайт Спаркл, заводя длинные беседы с серым камнем, вбитом под деревом. И порой кажется, что кто-то вправду ей отвечает.

Прежде чем навсегда покинуть Эквестрию, Дуглас издал на собственные средства свой «Журнал», где были подробно описаны его приключения во время путешествия.

В начале книги было приписано:

*Посвящено Рэйнбоу Дэш,
Которая подарила мне свободу.*

Памяти Silver_Fox